

ФАИНА РАНЕВСКАЯ

Дневник
на КЛОЧК_а
✠

Фаина Раневская

Дневник на клочках

Подготовка текста,
вступительная статья
и публикация
Юрия Данилина

Санкт-Петербург
2002

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Данилин.

Фаина Георгиевна, дорогая... 3

Дневник на клочках 13

Письма 85

Издательство Фонда
русской поэзии
при участии
альманаха «Петрополь»

ISBN 5-94118-001-2

© Юрий Данилин, вступительная
статья, подготовка текста,
публикация, 1999
© ООО «Ретро», 2000

Фаина Георгиевна, дорогая...

27 августа 1996 года Фаине Георгиевне Раневской исполнилось сто лет. Поверить невозможно. Фаина Георгиевна, конечно же, не упустила бы случая сказать по этому поводу что-нибудь запоминающееся. Меня всегда поражала исключительная собранность ее мысли. И вполне соответствующая этому афористичность выражений. Вот уж воистину: скажет — как отрубит! Замечательное это качество создавало актрисе немало трудностей. Фаина Георгиевна их не боялась, считая самой большой и непреодолимой — саму жизнь.

В связи с упомянутым событием несколько месяцев ходил в гости к Фаине Георгиевне по фантастическому адресу: Российский государственный архив литературы и искусства. Эта книга прежде всего для тех, у кого есть потребность общаться с великой актрисой и замечательнейшим человеком. Без посредников и мемуаристов, которых она, признаюсь, не жаловала.

«Фаина Георгиевна, дорогая...» Когда к ней так обращались, привычный слуху оборот звучал совершенно неожиданно: никакой фамильярности, трепет и глубочайшее уважение... Фамильярность исключалась даже самой буйной фантазией. Все, что могло иметь отношение к любому из нас, в ее жизни приобретало особый, неповторимый смысл. И это легко объяснялось: неповторимой была она сама.

Фаина Георгиевна, дорогая...

Только она так полно и совершенно владела тайнами трагического и комического в каком-то филигранном их сочетании. В простеньком, ни на что не претендующем сюжете о мытарствах директора цирка она так страдала от людской бессовестности, что зал буквально окоченевал, погружаясь в немыслимые глубины одиночества и беспомощности старого и никому не нужного человека. Тот же зал через секунду самозабвенно хохотал над ее шуткой, а потом опять окоченевал и никаких других героев уже просто не замечал, был «намертво» привязан к ее жестам, выражению лица, слову...

Критики часто и справедливо сетовали, что нет для нее подходящего сценария в кино, не написана достойная роль, но выдающееся дарование Ф. Г. Раневской в том и заключалось, что, поручи ей хотя бы одну реплику, она произнесет ее так, что независимо от замыслов режиссера и сценариста сделается главной героиней, а реплику запомнит не одно поколение зрителей.

О ней много писали. Иногда интересно. Но все эти сочинения не идут ни в какое сравнение с ее собственными записями. Она не предполагала их мемуарного будущего и никому не адресовала. Просто иногда не было подходящего собеседника — им становился ближайший к руке клочок бумаги. Не важно какой: старая афиша, собственный бюллетень, оборотная сторона открытки или чьей-то фотографии. Такой редкий жанр: разговор с собой. Был за ней и вполне простительный грех: заключила договор с издательством на книгу воспоминаний, как сама утверждала, «польстившись на гонорар», но — жаловалась не однажды мне в телефонных разговорах и письмах — «строчки не шли». Понятно почему: Фаина Георгиевна всю жизнь истязала себя какой-то неправдоподобной кри-

тикой, была очень совестливым человеком, всегда мучительно раздумывала, вправе ли оценивать ту или иную ситуацию или персону. Но когда она разрешает себе сказать вполне определенно (а иначе она не умела) — в достоверности можно не сомневаться.

Ее архив — может быть, самая убедительная иллюстрация ее жизни: разбросанный, «неухоженный», но захватывающе интересный, талантливый, умный. (Великая благодарность сотрудникам РГАЛИ — ведь могли не заметить, не поднять какой-нибудь листочек — нет, собрали все, что могли, и сохранили.)

С нежностью перебираю эти клочки — свидетельства удивительной жизни талантливейшей актрисы нашего столетия. Почерк, оказывается, тоже передает настроение: то разборчивый и ясный — о работе, о впечатлениях, о людях; то оборванный и заплетающийся какой-то, когда об одиночестве... Тогда читать совершенно невозможно и хочется реветь. А дел-то было: послать телеграмму, черкнуть записку, позвонить... Сама она никогда не забывала об этом. Как хочется запомнить хотя бы сейчас, чтобы никогда не жалеть о непоправимом...

Ей не надо было напоминать, что кому-то плохо. Никогда не была богатой, но последние деньги — Марине Цветаевой. Или кому-то другому.

Она появлялась у Ахматовой именно в те моменты, когда Анне Андреевне было особенно плохо. «Раневская — лучшее средство для борьбы с жизнью». Всюду: в дощатой будке в Комарово или в эвакуации в Ташкенте.

Ни работа, ни состояние здоровья не могли ей помешать позвонить Валентине Серовой в трудные для нее дни; направить нежное, лукавое письмо Марии Бабановой, не зная о ее болезни; разрешить все сомнения таган-

рогского краеведа, обратившегося к ней за воспоминаниями о родном городе; найти приветные слова студенту театрального училища из Нижнего Новгорода; строго отрецензировать очередное сочинение об Анне Ахматовой (как жаль, что автор не догадался издать эту рецензию вместо своей книги!).

...Из бумаг выпадает фото артиста Бероева. Он рано ушел из жизни, о чем Фаина Георгиевна пишет с печалью. Бероев играл с ней в одном из лучших ее спектаклей — «Странная миссис Сэвидж», и на поклонны они выходили вместе. В театре Раневскую любя называли Фуфой, Бероева же в шутку прозвали Фуфовозом...

...Дружеская эпитафия Михаила Светлова: «...а если рецензент о ней напишет плохо, я рецензента этого убью!» Убивать никого не пришлось. Раневской можно было только восхищаться.

И тем не менее она не чувствовала себя комфортно в театральных коллективах. Часто переходила из театра в театр. Многие ее работы на провинциальных сценах нам просто не известны. На вопрос театроведа Н. Крымовой в телевизионном интервью (чуть ли не единственном?!), «что она искала», Фаина Георгиевна отвечает: «Святое искусство».

— И нашли?

— Нашла. В Третьяковской галерее.

Фаина Георгиевна была сильным человеком, терпеть не могла всякую бездарь и тем самым поощряла ядовитые укусы. Находились собратья по цеху, требовавшие «покончить с освенцимом Раневской», ее упрекали в том, что на сборах труппы любит садиться в первом ряду, а однажды на гастролях украла аплодисменты у самого товарища Сталина. Аплодировали, дескать, вождю, а раскланивать-

ся вышла Раневская. Бесследно такие нелепости не проходили, как свидетельствуют ее записи. Но никогда раньше я ничего подобного не стал бы утверждать. Она и виду не подавала, что ее могут занимать подобные проблемы. Может, только очень близкие люди знали. Да и то навряд ли. Кое-что доверялось дневнику.

С волнением читаю ее строки, посвященные другу и наставнице – актрисе Павле Леонтьевне Вульф, и в который раз убеждаюсь, каким редким человеком была Фаина Георгиевна Раневская!

Изучая ни на что не похожий архив, я прихожу к мысли, что суть ее театра – бесконечное сочувствие человеку...

Мы познакомились, когда она снималась в фильме «Осторожно, бабушка!». Я мечтал проникнуть на съемочную площадку, но уже который день не удавалось. И вот, в очередное мое дежурство у ворот, появилась какая-то бойкая особа, оглядела местность и вдруг говорит: «Все с ног сбились, ищут, а он тут стоит...» Очень заинтриговала она меня таким сообщением. Вахтеру было сказано, что я «родственник Николая Ивановича и он просил...» На самом деле никакого Николая Ивановича я не знал и по этой причине не мог быть ему родственником. Однако благо-разумно промолчал и не мешал выполнять поручение моей неожиданной спасительнице. Оставив меня у ближайшей скамейки со словами «не смей никуда убежать, сейчас дядя выйдет», она удалилась. Понятно, что я не мог последовать совету. И пока «дядя» не появился, отправился на самостоятельные поиски.

Раневскую знали все и, как мне показалось, немного побаивались. Потом я понял почему: она совершенно не выносила бездельного интереса и глупых расспросов и могла так ответить, что на всю жизнь запомнишь. Едва я

сунул нос за дверь, как она, не выясняя, кто и зачем, строго сказала: «Закрой и не мешай!» Не смея послушаться, я все-таки успел пролепетать, что «театр гибнет без психологизма...». И прикрыл дверь. Но она тут же распахнулась. «Ты кто такой?» — с великим удивлением спросила Фаина Георгиевна. Пришлось рассказывать про школу и театр, которым «болели» все с первого по десятый класс, и где мы уже осуществляли «реформу»: тонкий психологический рисунок и никакого заламывания рук... Я, собственно, и послан был за утверждением наших взглядов на современный театр.

«Ужас какой», — то и дело прерывала меня Фаина Георгиевна. И с таким участием принялась отговаривать от театральных затей. «Деточка, — упрашивала она, — в школе надо читать. Как можно больше. Будьте счастливы тем, что вы молоды...»

Но мой вид, вероятно, свидетельствовал об упрямстве. Потому что вскоре, еще не закончив съемок на «Ленфильме», Фаина Георгиевна прислала письмо. Теперь я понимаю, что она волновалась не за будущее отечественного театра, которому угрожала реформа, а за то, чтобы мы не ошиблись в жизненном выборе. Она волновалась так, словно бы это ее лично касалось. «Милый Юрий, — писала она. — Подумайте, сколько существует возможностей выявить себя в других профессиях... И если бы я начинала жизнь, я бы, наверное, сейчас не пошла на сцену, а увлеклась бы физикой, химией и т. д.» И чтобы окончательно рассеять мои сомнения, выдала вырезку из «Комсомольской правды», где дипломник ВГИКа полностью разделял ее взгляды. Могу теперь признаться, что читать газету, в которой проработал затем много лет, по-настоящему я стал с этих вырезок с такими знакомыми припис-

ками: «Все же прочтите эту статью. Важно, что я подчеркнула. Привет и добрые пожелания от Ф. Р.» Вспоминаю это сейчас потому, что она не делала для меня исключения. Она лично отвечала на всю свою огромную почту. И хлопотала, и заботилась, и проявляла столько интереса к людям, словно они действительно все были ей родными. Как бы ни мучила занятость, сидела и выписывала старомодные большие буквы, сокрушаясь, что с таким почерком ее никогда бы не взяли в следователи, а только в бандиты...

Она любила «Комсомольскую правду» и читала газету, как она сама говорила, «со дня ее основания». Каждый ее звонок в редакцию был событием. Не всегда приятным для журналистов. «Вы обидели человека», — сказала она однажды с такой болью, что уже и сомневаться не надо было. Но речь шла о ретивом молодом администраторе, который испортил жизнь многим ни в чем не повинным людям. «Помилуйте, Фаина Георгиевна, такой фрукт заслуживает и более суровых слов. Нет, мы правы». — «Безусловно, — ответила она. — Но вы не оставили ему возможности быть лучше и понять, что вы правы». Всегда помню эти слова.

А иногда это бывало так — звонок и низкий ее голос: «Напомни мне, пожалуйста, свое отчество...» — «Да зачем оно вам, называйте по имени». — «Нет, уж лучше скажи. А то вот в двадцатом году пришла я во МХАТ к Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко, очень хотелось поступить в труппу театра. Да от волнения возьми и назови его Владимиром Семеновичем. На том моя карьера в Художественном театре и закончилась».

В ее богатом и дерзком языке существовало несколько слов, выражающих крайнюю степень недовольства.

Фаина Георгиевна, дорогая...

Наиболее часто тяжелая ноша презрения доставалась выражению «каботин». Что в переводе с французского, если ничего не путаю, «жалкий актеришка, комедиант». Чаще всего оно предназначалось собратям по цеху, но и легко преодолевало профессиональные границы. Произносила она его с непередаваемыми и никогда не повторяющимися интонациями. Каботин – крайняя степень падения. К сожалению, вспоминать словечко приходилось слишком часто для одной жизни.

Объяснений она не любила и любопытства не поощряла. А чрезмерно назойливых и бестактных без особых церемоний отправляла по одному излюбленному адресочку. С весьма доходчивой прямоотой, но и величием царствующей особы. Неважно, что адресочек был незатейлив, зато действовал безотказно. Лет тридцать назад я позволил себе усомниться в ее «домашней» педагогике. Нахальство молодости. Фаина Георгиевна глянула на меня так, что я мгновенно ощутил себя давно засохшим листиком мезозойского гербария, проворчала, что она «народная артистка, а не народная учительница», и посоветовала дожить до ее лет и самому себе все объяснить. Теперь вот дожил. Объяснил. И все чаще хочется выразиться коротко...

Много лет назад мы договорились, что она выскажется на страницах «Комсомолки» – почему образование получают все, а истинная образованность редка? Ответ предполагался лаконичным, о чем я и предупредил Фаину Георгиевну. Уточнив, что нынче подразумевается под этим, она долго веселилась и заявила, что постарается следовать изначальному смыслу слова «лаконичный».

Через два дня продиктовала нам на стенбюро буквально десять строчек. «Высоко ценю в человеке образован-

ность, если он мыслит, как великий физик Эйнштейн, заметивший однажды, что стремление только к личному благополучию достойно свиньи».

Кроме того, надо было сообщить названия пяти любимых книг. Фаина Георгиевна написала: «Назвать пять любимых книг не могу, поскольку их у меня сотня. Но мой бог — Пушкин».

Бригада, выпускавшая номер, задумалась, не слишком ли грубовато слово «свинья»... Думали, искали замену. А она не находилась. В общем, пришлось позвонить Фаине Георгиевне. «А вот Иван Андреевич Крылов, — язвительно заметила она, — не стеснялся этого слова. И только благодаря этому человечество избавилось кое от каких пороков. Может быть, и вам не надо стесняться?» Мы не стали стесняться и напечатали.

Последняя ее работа на сцене театра им. Моссовета — Филицата из пьесы А. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше». Много раз приходил я на этот спектакль, поражаясь глубине созданного ею образа, которая, наверное, весьма удивила бы и драматурга. Ее Филицата — олицетворение старости, не лучшей поры жизни. Она словно бы стесняется того, что еще живет. Есть душевные состояния, которые совершенно не поддаются выражению словами. Фаина Георгиевна была великим мастером именно в их постижении. Я часто видел на спектаклях с ее участием плачущих людей. Одиночество, неустроенность, какая-то заброшенность ее героев спрашивали всех, кто был тому свидетелем, где же ваши глаза, слышите ли вы, почему никому не помогаете в жизни? А ведь без этого человек несчастен, оглянитесь вокруг.

Она не кривила душой, многое испытав, знала цену помощи и внимания, и все, о чем рассказывала со сцены, —

Фаина Георгиевна, дорогая...

отнюдь не созданный кем-то литературный текст, это ее переживания, мысли, ее мироощущение.

Когда Раневская заканчивала в этом спектакле последнюю свою сцену и уходила, оставалось пронзительное, трагичное ощущение, что не со сцены она уходит — из жизни...

Однажды это и случилось. И мы осиротели.

Не хотела писать — и тем не менее вот они — совсем не похожие на чинное слово «архив» ее записки черными, зелеными, красными чернилами, карандашом... Каждая — вполне законченный сюжет. Самых высоких литературных достоинств — безо всякого вранья и фантазий. С иронией, обучить которой ни в каком литературном институте нельзя. Тонкость и афористичность мысли происходят все-таки из толстой, неуклюжей, грубой, а иногда и бесчеловечной жизни.

Подходящей пьесы для нее так никто и не написал. Не совпали масштабы дарований драматургов-современников и актрисы. Некого винить. Так бывает. Но не первый раз уже, вчитываясь в дорогие эти клочки, прихожу к выводу — это и есть та самая ДРАМА, которой еще не знала сцена. Только вот и написать, и сыграть ее могла лишь ФАИНА ГЕОРГИЕВНА РАНЕВСКАЯ!

Юрий Данилин

*Дневник
на клочках*

***

Я стою в детской на подоконнике и смотрю в окно дома напротив. Нас разделяет узкая улица, и потому мне хорошо видно все, что там происходит.

Там танцуют, смеются, визжат. Это бал в офицерском собрании.

Мне семь лет, я не знаю слов «пошлость» и «мещанство», но мне очень не нравится все, что вижу на втором этаже в окне дома напротив. Я не буду, когда вырасту, взвизгивать, обмахиваться носовым платком или вее-ром, так хохотать и гримасничать!..

Там чужие, они мне не нравятся, но я смотрю на них с интересом.

Потом офицеры и их дамы уехали, и в доме напротив поселилась учительница географии — толстая, важная старуха, у которой я училась, поступив в гимназию. Она ставила мне двойки и выгоняла из класса, презирая меня за невежество в области географии. В ее окна я не смотрела, там не было ничего интересного.

Через много лет, став актрисой, я получила роль акушерки Змеюкиной в чеховской «Свадьбе». Мне очень помогли мои детские впечатления-воспоминания об офицерских балах. Помогли наблюдательность, стремление увидеть в человеке характерное: смешное или жалкое, доброе или злое...

Играть, представлять кого-либо из людей, мне знакомых, я стала лет с пяти и часто бывала наказана за эти показы...

***

...Наверное, скоро умру. Мне видится детство, все чаще и чаще. Разные события всплывают из недр памяти и волнуют до сердцебиения.

Я вижу двор, узкий и длинный, мощный булыжником. Во дворе сидит на цепи лохматая собака по прозвищу Букет. Букет всегда плачет и гремит цепью. В черном небе — белые звезды, от них светло. И мне видно из окна, как со двора волокут нашу лошадь. Кучер говорит, что лошадь подохла от старости и что тащат ее на живодерню.

Я не знаю, что такое живодерня. Мне пять лет...

***

Учительница подарила медальон, на нем было написано: «Лень — мать всех пороков». С гордостью носила медальон.

***

В нашем городе очень любила старика, доброго, веселого, толстого грузина-полицмейстера. Дни и ночи мечтала, чтобы полицмейстер, плавая в море, стал тонуть и чтобы я его вытащила, не дала ему утонуть и за это мне дали бы медаль, как у нашего дворника.

***

Училась плохо, арифметика была страшной пыткой. Писать без ошибок так и не научилась. Считать тоже. Наверное, потому всегда, и по сию пору, всегда без денег...

Учиться я начала, повзрослев. И теперь, в старости, стараюсь узнать больше и больше.

Часто вспоминаю мудреца, сказавшего: «...знаю только то, что ничего не знаю»...

***

Впервые в кино. Обомлела. Фильм был в красках, возможно, «Ромео и Джульетта». Мне лет 12. Я в экстазе, хорошо помню мое волнение. Схватила копилку в виде большой свиньи, набитую мелкими деньгами (плата за рыбий жир). Свинью разбиваю. Я в неистовстве — мне надо совершить что-то большое, необычное.

По полу запрыгали монеты, которые я отдала соседским детям: «Берите, берите, мне ничего не нужно...»

И сейчас мне тоже ничего не нужно — мне 80.

Даже духи из Парижа, мне их прислали — подарки друзей. Теперь перебираю в уме, кому бы их отдать...

Экстазов давно не испытываю.

Жизнь кончена, а я так и не узнала, что к чему.

***

Существует понятие «с молоком матери». У меня — «со слезами матери». Мне четко видится мать, обычно тихая, сдержанная, — она громко плачет. Я бегу к ней в комнату, она уронила голову на подушку, плачет, плачет, она в страшном горе.

Я пугаюсь и тоже плачу.

На коленях матери — газета: «...вчера в Баденвейлере скончался А. П. Чехов». В газете — фотография человека с добрым лицом. Бегу искать книгу А. П. Чехова. Нахожу, начинаю читать. Мне попалась «Скучная история».

И на этом кончилось мое детство.

Прошло несколько лет, и я опять услышала страшный крик матери, она кричала: «Как же теперь жить? Его уже нет. Все кончилось, все ушло, ушла совесть...»

Она убивалась, слегла, долго болела. Любовь к Толстому во мне и моя, и моей матери. Любовь и мучительная жалость и к нему, и к С. А. Только ее жаль иначе как-то. К ней нет ненависти. А вот к Н. Н. Пушкиной... ненавижу ее люто, неистово.

Загадка для меня, как мог ОН полюбить так дуру набитую, куколку, пустяк...

***

Много я получала приглашений на свидание. Первое, в ранней молодости, было неудачным. Гимназист поразил мое сердце фуражкой, где над козырьком был великолепный герб гимназии, а тулья по бокам была опущена и лежала на ушах. Это великолепие сводило меня с ума.

Придя на свидание, я застала на указанном месте девочку, которая попросила меня удалиться, так как я уселась на скамью, где у нее свидание. Вскоре появился и герой, нисколько не смутившийся при виде нас обеих. Герой сел между нами и стал насвистывать. А соперница требовала, чтобы я немедленно удалилась. На что я резонно отвечала: «На этом месте мне назначено свидание, и я никуда не уйду».

Соперница заявила, что не сдвинется с места. Я сделала такое же заявление. Каждая из нас долго отстаивала свои права. Потом герой и соперница пошептались. После чего соперница подняла с земли несколько увесистых камней и стала в меня их кидать. Я заплакала и покинула поле боя...

О моем первом свидании я рассказала Маршаку, он смеялся: ему понравилось то, что, вернувшись все-таки на поле боя, я сказала: «Вот увидите, вас накажет Бог!» И ушла, полная достоинства.

***

В городе, где я родилась (Таганрог. — Ю. Д.), было множество меломанов. Знакомые мне присяжные поверенные собирались друг у друга, чтобы играть квартеты великих классиков. Однажды в специальный концертный зал пригласили Скрябина. У рояля стояла большая лира из цветов. Скрябин, выйдя, улыбнулся цветам. Лицо его было обычным, заурядным, пока он не стал играть. И тогда я услышала и увидела перед собой гения.

Наверное, его концерт втянул, втолкнул душу мою в музыку. И стала она страстью моей долгой жизни...

***

В театре в нашем городке гастролировали и прославленные артисты. И теперь еще я слышу голос и вижу глаза Павла Самойлова в «Привидениях» Ибсена: «Мама, дай мне солнца...» Помню, я рыдала...

Театр был небольшой, любовно построенный с помощью меценатов города. Первое впечатление от оперы было страшным. Я холодела от ужаса, когда кого-то убивали и при этом пели. Я громко кричала и требовала, чтоб меня увезли в оперу, где не поют. Кажется, напугавшее меня зрелище называлось «Аскольдова могила». А когда убиенные выходили раскланиваться и при этом улыбались, я чувствовала себя обманутой и еще больше возненавидела оперу.

***

В театральную школу принята не была — по неспособности. Восхитительная Гельцер (в свите ее поклонниц я, конечно, состояла) отнеслась ко мне с участием и устроила меня на выходные роли в Малаховский летний театр под Москвой. Представляя меня антрепризе театра, сказала: «Знакомьтесь, это моя закадычная подруга Фанни из провинции».

В те далекие времена в летнем театре Малаховки гастролировали великая Ольга Осиповна Садовская, Петипа (его отец — Мариус Петипа), Радин и еще много неповторимых. Среди них был и Певцов.

Помню хорошо прелестную актрису необыкновенного очарования, молоденькую Елену Митрофановну Шатрову.

Помню летний солнечный день, садовую скамейку подле театра, на которой дремала старушка. Помню, как кто-то, здороваясь с нею, сказал: «Здравствуйте, наша дорогая Ольга Осиповна». Тогда я поняла, что сижу рядом с Садовской. Вскочила как ошпаренная. А Садовская

спросила: «Что это с вами? Почему вы прыгаете?» Я, заикаясь, что со мной бывает при сильном волнении, сказала, что прыгаю от счастья, оттого, что сидела рядом с Садовской, а сейчас побегу хвастать подругам. О. О. засмеялась, сказала: «Успеете еще, сидите смирно и больше не прыгайте».

Я заявила, что сидеть рядом с ней не могу, а вот постоять прошу разрешения!

«Смешная какая барышня. Чем вы занимаетесь?» Взяла меня за руку и посадила рядом. «О. О., дайте мне опомниться от того, что сижу рядом с Вами, а потом скажу, что я хочу быть артисткой, а сейчас в этом театре на выходах...»

А она все смеялась. Потом спросила, где я училась. Я созналась, что в театральную школу меня не приняли, потому что я неталантливая и некрасивая.

По сей день горжусь тем, что насмешила до слез самое Садовскую.

***

Помню Певцова в пьесе «Вера Мирцева». В этой пьесе героиня застрелила изменившего ей возлюбленного, а подозрение пало на друга убитого, которого играл Певцов. И сейчас, по прошествии более шестидесяти лет, я вижу лицо Певцова, залитое слезами, слышу срывающийся голос, которым он умоляет снять с него подозрение в убийстве, потому что убитый был ему добрым и единственным другом. И вот даже сейчас, говоря об этом, я испытываю волнение, потому что Певцов не играл, он не умел играть. Он жил, терзался муками утраты дорогого ему человека.

Гейне сказал, что актер умирает дважды. Нет. Это не совсем верно, если прошли десятилетия, а Певцов стоит у меня перед глазами и живет в сердце моем.

Мне посчастливилось видеть его и в пьесе Леонида Андреева «Тот, кто получает пощечины». И в этой роли я буду видеть его до конца моих дней.

Помню, когда я узнала, что должна буду участвовать в этом спектакле, я, очень волнуясь и робея, подошла к нему и попросила дать мне совет, что делать на сцене, если у меня в роли нет ни одного слова. «А ты крепко люби меня, и все, что со мной происходит, должно тебя волновать, тревожить».

И я любила его так крепко, как он попросил.

И когда спектакль был кончен, я громко плакала, мучаясь его судьбой, и никакие утешения моих подружек не могли меня успокоить. Тогда побежали к Певцову за советом. Добрый Певцов пришел в гримерную и спросил меня: «Что с тобой?»

— Я так любила, я так любила Вас весь вечер, — выдохнула я рыдая..

— Милые барышни, вспомните меня потом — она будет настоящей актрисой...

***

Всегда завидовала таланту: началось это с детства. Приходил в гости к старшей сестре гимназист — читал ей стихи, флиртовал. Читал наизусть. Чтение повергало меня в трепет. Гимназист вращал глазами, взвизгивал, рычал тигром, топал ногами, рвал на себе волосы, ломая руки. Стихи назывались «Белое покрывало». Кончалось чтение словами: «...так могла солгать лишь мать». Гимназист зарыдал. Я была в экстазе.

Подруга сестры читала стихи: «Увидя почерк мой, Вы, верно, удивитесь, я не писала Вам давно и думаю, Вам это все равно». Подруга сестры тоже и рыдала, и хохотала. И опять мой восторг, и зависть, и горе — почему у меня ничего не выходило, когда я пыталась им подражать. Значит, я не смогу быть актрисой?

Теперь, к концу моей жизни, я не играю на сцене, ненавижу актеров «игральщиков». Не выношу органически, до физического отвращения — меня тошнит от партнера, «играющего роль», а не живущего тем, что ему надлежит делать в силу обстоятельств. Сейчас мучаюсь от партнера, который «представляет» всегда одинаково, как запись на пластинке. Если актер не импровизирует — ремесло, мерзкое ремесло!

***

...Три года писала книгу воспоминаний, польстившись на аванс 2000 рублей с целью приобрести теплое пальто...

Вот я играю в пьесе Сумбатова Прелестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить как змея...» После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стена, угрожает оторвать мне голову. Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены.

***

...Белую лисицу, ставшую грязной, я самостоятельно выкрасила в чернилах. Высушив, решила украсить ею туалет, набросив лису на шею. Платье на мне было розовое, с претензией на элегантность. Когда я начала кокетливо беседовать с партнером в комедии «Глухонемой» (партнером моим был необыкновенно талантливый актер Ечменев), он, увидев черную шею, чуть не потерял сознание. Лисица на мне непрерывно линяла. Публика веселилась при виде моей черной шеи, а с премьершей театра, сидевшей в ложе, бывшим моим педагогом (П. Л. Вульф), случилось нечто вроде истерики... И это был второй повод для меня уйти со сцены.

***

...Крым. Сезон в крымском городском театре. Голод. Военный коммунизм. Гражданская война. Власти менялись буквально поминутно. Было много такого страшного, чего нельзя забыть до смертного часа и о чем писать не хочется. А если не сказать всего, значит, не сказать ничего. Потому и порвала книгу.

Почему-то вспоминается теперь, по прошествии более шестидесяти лет, спектакль-утренник для детей. Название пьесы забыла. Помню только, что героем пьесы был сам Колумб, которого изображал председатель месткома актер Васяткин. Я же изображала девицу, которую похищали пираты. В то время, как они тащили меня на руках, я зацепилась за гвоздь на декорации, изображавшей морские волны. На этом гвозде повис мой парик с длинными косами.

Косы поплыли по волнам. Я начала неистово хохотать, а мои похитители, увидев повисший на гвозде парик, уронили меня на пол. Несмотря на боль от ушиба, я продолжала хохотать. А потом услышала гневный голос Колумба — председателя месткома: «Штрафа захотели, мерзавцы?» Похитители, испугавшись штрафа, свирепо уволокли меня за кулисы, где я горько плакала, испытываю чувство стыда перед зрителями. Помню, что на доске приказов и объявлений висел выговор мне, с предупреждением.

Такое не забывается, как и многие-многие другие неудачи моей долгой творческой жизни.

***

В голодные, трудные годы гражданской войны в Крыму я, уже актриса, жила в семье приютившей меня учительницы моей и друга, прекрасной актрисы и человека Павлы Леонтьевны Вульф. Я не уверена в том, что все мы выжили бы (а было нас четверо), если бы о нас не заботился Макс Волошин.

С утра он появлялся с рюкзаком за спиной. В рюкзаке находились завернутые в газету маленькие рыбешки, называвшиеся комсой. Был там и хлеб, если это месиво можно было назвать хлебом. Была и бутылочка с касторовым маслом, с трудом раздобытая им в аптеке. Рыбешек жарили в касторке. Это издавало такой страшный запах, что я, теряя сознание от голода, все же бежала от этих касторовых рыбок в соседний двор. Помню, как он огорчался этим. И искал иные возможности меня покормить.

Однажды, когда Волошин был у нас, началась стрельба. Оружейная и пулеметная. Мы с Павлой Леонтьевной упросили его не уходить, остаться у нас. Уступили ему комнату. Утром он принес нам стихи:

Зима в тот год была страстной неделей.
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

На исплаканном лице была написана нечеловеческая мука.

Волошин был большим поэтом, чистым, добрым, большим человеком.

***

Узнав, что я порвала рукопись книги о моей жизни, которую писала в течение трех лет, Маргарита Алигер, обругав меня очень крепко, взяла с меня слово, что я начну восстанавливать в памяти все, что уничтожила. Слово приходится держать...

Родилась я в конце прошлого века, когда в моде еще были обмороки. Мне очень нравилось падать в обморок, к тому же я никогда не расшибалась, стараясь падать грациозно.

С годами это увлечение прошло.

Но один из обмороков принес мне счастье, большое и долгое. В тот день я шла по Столешникову переулку, разглядывала витрины роскошных магазинов и рядом с собой услышала голос человека, в которого была влюблена до одурения. Собирала его фотографии, писала ему письма, никогда их не отправляя. Поджидала у ворот его дома...

Услышав его голос, упала в обморок. Неудачно. Сильно расшиблась. Меня приволокли в кондитерскую, рядом. Она и теперь существует на том же месте. А тогда принадлежала француженке с французом. Сердобольные

супруги влили мне в рот крепчайший ром, от которого я сразу пришла в себя и тут же снова упала в обморок, так как этот голос прозвучал вновь, справляясь, не очень ли я расшиблась.

Прошло несколько лет. Я уже стала начинающей актрисой, работала в провинции и по окончании сезона приезжала в Москву. Видела длинные очереди за билетами в Художественный театр. Расхрабрилась и написала письмо: «Пишет Вам та, которая в Столешниковом переулке однажды, услышав Ваш голос, упала в обморок. Я уже начинающая актриса. Приехала в Москву с единственной целью — попасть в театр, когда Вы будете играть. Другой цели в жизни у меня теперь нет. И не будет».

Письмо помню наизусть. Сочиняла его несколько дней и ночей. Ответ пришел очень скоро: «Дорогая Фаина, пожалуйста, обратитесь к администратору, у которого на Ваше имя 2 билета. Ваш В. Качалов». С этого вечера и до конца жизни изумительного актера и неповторимой прелести человека длилась наша дружба. Которой очень горжусь.

***

В. И. (Качалов. — Ю. Д.) спросил меня после одного вечера, где он читал и Маяковского, — вопроса точно не помню, а ответ мой до сих пор меня мучает: «Вы обомхали Маяковского».

«Как это — обомхатил? Объясни».

Но я не умела объяснить. Я много раз слышала Маяковского. А чтение Качалова было будничным.

Василий Иванович сказал, что мое замечание его очень огорчило... Сказал с той деликатностью, которую за долгую мою жизнь я видела только у Качалова. Потом весь вечер говорил о Маяковском с истинной любовью...

***

Бывала у В. И. (Качалова. — Ю. Д.) постоянно, вначале робела, волновалась, не зная, как с ним говорить. Вскоре он приручил меня и даже просил говорить ему «ты» и называть его Васей. Но я на это не пошла.

Он служил мне примером в своем благородстве. Я присутствовала однажды при том, как В. И., вернувшись из театра домой, на вопрос Н. Литовцевой, как прошла репетиция «Трех сестер», где он должен был играть Вершинина, ответил: «Немирович снял меня с роли и передал ее Болдуману. Владимир Иванович поступил правильно. Болдуман много меня моложе, в него можно влюбиться, а в меня уже нельзя». Он говорил, что несколько не обижен, что он приветствует это верное решение режиссера. И все повторял, что Немирович умно поступил по отношению к спектаклю, к пьесе, к Чехову.

А я представила себе, сколько злобы, ненависти встретило бы подобное решение у другого актера, даже большого масштаба. Писались бы заявления об уходе из театра, жалобы по инстанциям. Я была свидетельницей подобного.

***

...Сейчас смотрела Качалова в кино. Барон. Это — чудо как хорошо. Это совершенно! Шла домой и думала: что сделала я за 30 лет? Что сделала такого, за что мне не было бы стыдно перед своей совестью? Ничего. У меня был талант, и ум, и сердце. Где все это?

***

Дебют в Москве! Как это радостно и как страшно. Я боялась взыскательных столичных зрителей, боялась того, что роль мне может не удался.

В то время Камерный театр только что возвратился из триумфальной поездки по городам Европы и Латинской Америки, и я ощущала себя убогой провинциалкой среди моих новых товарищей. А когда появились конструкции и мне пришлось репетировать на большой высоте, почти у колосников, я чуть не потеряла дара речи, так как страдаю боязнью пространства. Я была растеряна, подавлена необходимостью весь спектакль «быть на высоте». Репетировала плохо, не верила себе, от волнения заикалась. Мне думалось, что партнеры мои недоумевают: к чему было Таирову приглашать из провинции такую беспомощную, бесталанную актрису?

Александр Яковлевич, внимательно следивший за мной, увидел мою растерянность, почувствовал мое отчаяние и решил прибегнуть к особому педагогическому приему — стоя у рампы, он кричал мне: «Молодец! Молодец, Раневская! Так! Так... Хорошо! Правильно! Умница!» И, обращаясь к моим партнерам на сцене и сидевшим в зале актерам, сказал: «Смотрите, как она умеет работать! Как нашла в роли то, что нужно. Молодец, Раневская!»

А я тогда еще ничего не нашла, но эти слова Таирова помогли мне преодолеть чувство неуверенности в себе. Вот если бы Таиров закричал мне тогда «не верю» — я бы повернулась и ушла со сцены навсегда.

***

Однажды, провожая меня через коридор верхнего этажа, мимо артистических уборных, Александр Яковлевич вдруг остановился и, взяв меня за руку, сказал с горькой усмешкой: «Знаете, дорогая, похоже, что театр кончился: в театре пахнет борщом». Действительно, в условиях того времени технический персонал, работавший в театре безвыходно, часто готовил себе нехитрые «обедаы» на электроплитках. Для всех нас это было в порядке вещей, но Таиров воспринимал это как величайшее кощунство. И в этом, казалось бы, незначительном, чисто житейском эпизоде я увидела то, что нас, работавших с ним, всегда восхищало: его неизменно рыцарское, абсолютно бескомпромиссное отношение к искусству, которому он служил.

Дневник на клочках

***

Когда отняли у Таирова театр, Алиса (Алиса Коонен. — Ю. Д.) жаловалась мне: «Подумайте, как же мне теперь? Если бы Станиславский был жив, неужели я бы осталась без театра?»

Я просила Завадского пригласить ее — отказал.

Алиса говорила мне много того, чего нет в ее интересной книге: «...подумайте, как мне было трудно любить Федю Протасова — Москвина... Я прижимаюсь к нему, обнимаю, а он в корсете. Я в ужасе, а надо любить, любить, а я в ужасе».

Больше всего я ее помню в спектакле «Машиналь». Ясно вижу в «Сакунтале». Это было зрелище изумительное, весь спектакль. Я была на генеральной в 1914 году. Я любила ее во всех ее ролях.

В последнее время старалась не попадаться ей на глаза. Мне дали народную СССР, а у нее отняли все — Таирова, театр, жизнь.

После кончины обезумевшего от горя Таирова Алиса попросила меня пойти с нею в суд, где бы я свидетель-

ствовала, что они были долгие годы вместе, что это было супружество — формальность была необходима для ввода Алисы в наследство. Когда мы после этой процедуры шли обратно, она долго плакала, уткнулась мне в плечо.

Она сказала: «Нас обвенчали после его смерти». Такой человеческой я увидела ее впервые.

Свое одиночество она скрывала от всех. Мне однажды сказала Павла Леонтьевна, что не видела актрисы, которая так гениально молчала. Она видела Коонен в каком-то спектакле во МХАТе, где Алиса сидела на подоконнике (или смотрела в окно) и молчала, но такой силы, очевидно, был ее внутренний монолог, что он звучал как слова, полные горечи, боли. Сейчас актеры не умеют молчать, а кстати, и говорить. Слова съедают, бормочут что-то про себя, концы слов не слышны. Культура речи даже в прославленных в прошлом театрах ушла. А дикторы по радио делают такие ударения, что хочется заткнуть и уши, и радио!

***

«...В искусстве путь всегда идет вверх, по раскаленной лестнице, но к небу». Андерсен.

«Невинные души сразу узнают друг друга». Андерсен.

Не помню, когда записала это. Сейчас я ползаю в луже грязной, смрадной. Играю как любительница в клубе. Не могу я больше играть «Лисички».

47 год, декабрь.

***

...Вчера была Лиля Брик, принесла «Избранное» Маяковского и его любительскую фотографию. Она еще благоухает довоенным Парижем. На груди носит цепочку с обручальным кольцом Маяковского, на пальцах бриллианты. Говорила о своей любви к покойному... Брику. И сказала, что отказалась бы от всего, что было в ее жизни, только бы не потерять Осю.

Я спросила: «Отказалась бы и от Маяковского?» Она, не задумываясь, ответила: «Да, отказалась бы и от Маяковского. Мне надо было быть только с Осей».

Бедный, она не очень его любила...

Пришла С. С. и тоже много рассказывала о Маяковском. Он был первый в ее жизни. Рассказала о том, какую нехорошую роль играл в ее отношениях с Маяковским Чуковский, который тоже был в нее влюблен.

Когда они обе ушли, мне хотелось плакать от жалости к Маяковскому. И даже физически заболело сердце.

С. С. говорила, что Маяковский тосковал по дочери в Америке, которой было три года во время их последней встречи.

***

Читаю дневник Маклая, влюбилась и в Маклая, и в его дикарей.

Я кончаю жизнь банально-стародевически: обожаю котенка и цветочки до страсти.

Сегодня встретила «первую любовь». Шамкает вставными челюстями, а какая это была прелесть.

Мы оба стеснялись нашей старости.

48 год, март.

***

...Миклухо-Маклай родился в 1846, а умер в 1888 г. Значит, он жил 42 года. И значит, 15 апреля 48 года — 60 лет со дня его смерти. Не знаю ни одной человеческой жизни, которая так восхищала и волновала меня. В Ташкенте, в эвакуации, к Ахматовой однажды вошла степенная старушка. Ахматова мне сказала, что старушка в большой нужде. Они разговаривали об общих знакомых ленинградцах светским тоном. По уходе старушки я узнала, что это была Миклухо-Маклай, но кто, как и кем ему приходится — я не спросила.

Наверное, от замученности пропустила и это, как многое пропустила в то время.

***

...Вот, что я хотела бы успеть перечитать: Руссо — «Исповедь», Герцен — «Былое и думы». Толстой — «Война и мир», Вольтер — «Кандид», Сервантес — «Дон Кихот». Данте. Всего Достоевского.

Все то, что люблю помимо этого: «Тома Сойера», Лескова почти все. Бабеля (многое помню наизусть), «Тартарена» Доде, «Хромого Беса».

Хотела бы прочитать всего Маклая.

***

Сегодня у меня обедала Ахматова, величавая, величественная, ироничная и трагическая, веселая и вдруг такая печальная, что при ней неловко улыбнуться и говорить о пустяках. Как удалось ей удержаться от безумия — для меня непостижимо.

Говорит, что не хочет жить, и я ей абсолютно верю. Торопится уехать в Ленинград. Я спросила: зачем? Она ответила: «Чтобы нести свой крест». Я сказала: «Несите его здесь». Вышло грубо и неловко. Но она на меня не обижается никогда.

Странно, что у меня, такой сентиментальной, нет к ней чувства жалости или участия. Не шевелятся во мне к ней эти чувства, обычно мучающие меня по отношению ко всем людям с их маленькими несчастьями.

***

Она (Ахматова. — Ю. Д.) называет это «моя катастрофа». Рассказала, что к ней пришел циркач-канатоходец. Силач, полуграмотный, вскоре после своей «катастрофы», и стал просить ее или усыновить его, или выйти за него замуж...

***

Именины А. (Ахматовой. — Ю. Д.). Она говорит, что Бор. Пастернак относится к ней как я к П. Л. (Павле Леонтьевне Вульф. — Ю. Д.).

Не встречала никого пленительнее, ослепительнее Пастернака. Это какое-то чудо. Гудит, а не говорит, и все время гудит, что-то читая...

Я знала блистательных — Михоэлс, Эйзенштейн, — но Пастернак потрясает так, что его слушаю с открытым ртом. Когда они вместе — А. и П., — то кажется, будто в одно и то же время в небе солнце и луна, и звезды, и громы, и молнии. Я была счастлива видеть их вместе, слушать их, любоваться ими.

Люди, дающие наслаждение, — вот благодать!

48 год.

***

Из дневника Анны Андреевны (Ахматовой. — Ю. Д.):
«Теперь, когда все позади — даже старость, и остались только дряхлость и смерть, оказывается, все как-то, почти мучительно, проясняется: люди, события, собственные поступки, целые периоды жизни.

И сколько горьких и даже страшных чувств».

Я написала бы все то же самое. Гений и смертный чувствуют одинаково в конце, перед неизбежным.

Все время о ней думаю, вспоминаю. Скучно без нее.

Она любила говорить о матери. С нежностью говорила, умилялась деликатности матери. О сестрах, рано умерших, не вспоминала. Говорила о младшем брате, о его недоброте.

Будучи в Ленинграде, я часто ездила к ней за город, в ее будку, как звала она свою хибарку. Помнится, она сидела у окна, смотрела на деревья и, увидев меня, закричала: «Дайте, дайте мне Раневскую...» Очевидно, было одиноко, тоскливо.

Стала она катастрофически полнеть, перестала выходить на воздух. Я повела ее гулять, сели на скамью, молчали. Лева был далеко...

***

Вот что вспоминается. А. А. (Ахматова. — Ю. Д.) лежала в Боткинской больнице (в тот период моей жизни я еще могла входить в больницу). Часто ее навещала. Она попросила меня приехать после похорон Пастернака и рассказать ей все, что я видела. Смерть Б. Л. ее очень угнетала. Я делилась с ней моими впечатлениями и сказала, что была нестерпимая духота, что над нами, над огромной толпой, висели свинцовые тучи, а дождя не было, что гроб несли на руках до самой могилы, что Б. Л. в гробу был величавый, торжественный.

А. А. слушала внимательно, а потом сказала: «Я написала Борису стихи».

Запомнила не все, но вот что потрясло меня:

Здесь все принадлежит тебе по праву.
Висят кругом дремучие дожди.
Отдай другим игрушку мира — Славу,
Иди домой и ничего не жди.

Да, висели дремучие дожди, и мысли у всех у нас были о славе, которая ему больше не нужна, обо всем, что было в этих строках.

***

Ленинград без Ахматовой для меня поблек, не могу себя заставить съездить на ее холмик взглянуть. Зачем? У меня в ушах ее голос, смех...

***

Смерть Анны Андреевны — непривычное мое горе. В гробу ее не видела, вижу перед собой ее живую. В Комарово она вышла проводить меня за ограду дачи, которую звала «моя будка». Я спешила к себе в дом отдыха, опаздывала к ужину... Она стояла у дерева, долго смотрела мне вслед. Я все оборачивалась, она помахала рукой, позвала вернуться. Я подбежала. Она просила меня не исчезать надолго, приходить чаще. Но только во вторую половину дня, так как по утрам она работает, переводит.

Когда я пришла к ней на следующий день, она лежала. Окно было занавешено. Я подумала, что она спит: «...нет, нет, входите, я слушаю музыку, в темноте лучше слышится...»

Она любила толчею вокруг, называла скопище гостей «станция Ахматовка». Когда я заставала ее на даче в одиночестве, она говорила: «...человека забыли...»

Когда тяжело заболела Н. Ольшевская, ее близкий друг, она сказала: «Болезнь Нины — большое мое горе». Она любила семью Ардовых и однажды в Ленинграде сказала, что собирается в Москву, домой, к своим, к Ардовым. В Москве позвонила, пообещав, если я приду, рассказать мне «турусы на колесах». Я просила ее объяснить, что означает это выражение. «А вот придете — скажу». Но я позабыла спросить про эти «турусы».

***

В Ташкенте А. А. писала пьесу, в которой предвосхитила все, что с ней сделали в 46-м году. Потом пьесу сожгла. Через много лет восстанавливала по памяти.

В Комарово читала мне вновь отрывки из этой пьесы, в которой я многого не понимала, не постигала ее философии, но ощущала, что это нечто гениальное. Она спросила — могла бы такая пьеса быть поставлена в театре?

***

В Ташкенте она звала меня часто с ней гулять. Мы бродили по рынку, по старому городу. Ей нравился Ташкент, а за мной бежали дети и хором кричали: «Муля, не нервируй меня». Это очень надоедало, мешало мне слушать ее. К тому же я остро ненавидела роль, которая дала мне популярность. Я сказала об этом Анне Андреевне. «„Сжала руки под темной вуалью“ — это тоже мои Мули», — ответила она.

***

В первый раз, придя к ней в Ташкенте, я застала ее сидящей на кровати. В комнате было холодно, на стене следы сырости. Была глубокая осень, от меня пахло вином.

— Я буду Вашей *madame de Lambaille*, пока мне не отрубили голову — истоплю вам печку.

— У меня нет дров, — сказала она весело.

— Я их украду.

— Если Вам это удастся — будет мило.

Большой каменный саксаул не влезал в печку, я стала просить на улице незнакомых людей разрубить эту глыбу. Нашелся добрый человек, столяр или плотник, у него за спиной висел ящик с топором и молотком. Пришлось сознаться, что за работу мне нечем платить. «А мне и не надо денег, вам будет тепло, и я рад за вас буду, а деньги что? Деньги не все».

Я скинула пальто, положила в него краденое добро и вбежала к Анне Андреевне.

— А я сейчас встретила Платона Каратаева.

— Расскажите...

«Спасибо, спасибо», повторяла она. Это относилось к нарубившему дрова. У нее оказалась картошка, мы ее сварили и съели.

Никогда не встречала более кроткого, неприятельного человека, чем она...

***

Как-то А. А. за что-то на меня рассердилась. Я, обидевшись, сказала ей что-то дерзкое. «О, фирма — 2 петуха!» — засмеялась она.

***

В Ташкенте мы обе были приглашены к местной жительнице, сидели в комнате комфортабельной городской квартиры. В комнату вошел большой баран с видом человека, идущего по делу. Не глядя на нас, он прошел в сад. Это было неожиданно и странно. И потом, через много лет, она говорила: «А Вы помните, как в комнату пришел баран и как это было удивительно. Почему-то я не могу забыть этого барана». Я пыталась объяснить неизгладимое впечатление с помощью психоанализа. «Оставьте, Вы же знаете, что я ненавижу Фрейда», — рассердилась она.

***

Одно время я записывала все, что она говорила. Она это заметила, попросила меня показать ей мои записи.

— Анна Андреевна, я растапливала дома печку и по ошибке вместе с другими бумагами сожгла все, что записала, а сколько там было замечательного! Вы себе представить не можете, Анна Андреевна!

— Вам 11 лет и никогда не будет 12, — сказала она и долго смеялась.

***

Однажды я застала ее плачущей, она рыдала. Я до этого никогда не видела ее в слезах и очень обеспокоилась. Внезапно она перестала плакать, помолчала: «Знаете, умерла первая жена моего бывшего мужа. Вам не кажется ли смешным то, что я ее так оплакиваю?»

В Ташкенте она получила открытку от сына из отдаленных мест. Это было при мне. У нее посинели губы, она стала задыхаться. Он писал, что любит ее, спрашивал о своей бабушке — жива ли она?

Бабушка — мать Гумилева.

Незадолго до смерти она говорила с тоской невыразимой, что сын не хочет ее знать, не хочет видеть. Она говорила мне об этом и в Комарово. И всегда, когда мы виделись.

***

В 46-м году я к ней приехала. Она открыла мне дверь, потом легла, тяжело дышала. Об «этом» мы не говорили.

Через какое-то время она стала выходить на улицу. И, подведя меня к газете, прикрепленной к доске, сказала: «Сегодня хорошая газета, меня не ругают». «Скажите, Фаина, зачем понадобилось всем танкам проехать по грудной клетке старой женщины?» И опять молчала...

Я пригласила ее пообедать. «Хорошо, но только у вас в номере». Очевидно, боялась встретить знающих ее в лицо. В один из этих страшных ее дней спросила: «Скажите, Вам жаль меня?» — «Нет», — ответила я, боясь заплакать. — «Умница, меня нельзя жалеть».

***

В Ташкенте маленький Алеша, сын И. С. Вульф, в то время, когда она у нас обедала, долго смотрел на нее, а потом сказал, что она «мировая тетя». А. А. запомнила это настолько, что, когда мальчик подрос, с огорчением сказала мне: «Алеша будет знать обо мне теперь из учебника по литературе...»

***

Умирая, А. Ахматова кричала: «Воздуха, воздуха...»
Доктор сказала, что, когда ей в вену ввели иглу с лекарством, она была уже мертва.

***

Меня спрашивают, почему я не пишу об Ахматовой, ведь мы дружили...

Отвечаю: не пишу, потому что очень люблю ее.

78 год.

***

Любила, восхищалась Ахматовой. Стихи ее смолоду вошли в состав моей крови.

Есть еще и посмертная казнь, это воспоминания о ней ее «лучших» друзей.

***

...Третий час ночи... Знаю, не засну, буду думать, где достать деньги, чтобы отдохнуть во время отпуска мне, и не одной, а с П. Л. (Павлой Леонтьевной Вульф. — Ю. Д.).

***

Орфографическая ошибка в письме — как клоп на белой блузке.

***

Перерыла все бумаги, обшарила все карманы и не нашла ничего похожего на денежные знаки...

(Из записной книжки народной артистки)

48 год, 30 мая.

***

Сейчас слушала «Карнавал» Шумана по радио. Плакала от счастья. Пожалуй, стоит жить, чтобы такое слушать. Поплечусь в театр играть мою чепуху собственного сочинения. Ничего, кроме неловкости и стыда перед публикой, не испытываю за мое творчество в «Законе чести». Хотелось сделать что-то значительное, человеческое, а вышла чепуха, хотя успех некоторый есть.

48 год.

***

Перестала думать о публике и сразу же потеряла стыд. А может быть, в буквальном смысле «потеряла стыд» — ничего о себе не знаю.

***

Погиб Соломон Михайлович Михозэлс. Не знаю человека умнее, блистательнее его. Очень его любила, он бывал мне как-то нужен, необходим.

Однажды я сказала ему: «Есть люди, в которых живет Бог, есть люди, в которых живет дьявол, а есть люди, в которых живут только... глисты. В Вас живет Бог!» Он улыбнулся и ответил: «Если во мне живет Бог, то он в меня сослан».

48 год, 14 января.

***

Играю скверно, смотрит Комитет по Сталинским премиям. Отвратительное ощущение экзамена.

После спектакля дома терзаюсь. В два часа ночи звонок телефона. «Дорогая, простите, что так поздно звоню, но ведь Вы не спите. Вы себя мучаете. Ей-богу, Вы хорошо играли. Спите, перестаньте мучаться. Вы хорошо играли, и всем понравилось». Это была неправда. Но кто, кроме Михоэлса, мог так поступить? Никто, никто не мог пожалеть так.

Он вернулся из Америки уставший, больной. Я навестила его, он лежал в постели, рассказывал мне ужасы из «Черной книги». Страдал, говоря это. Чтобы чем-то отвлечь его от этой страшной темы одного из кругов, не рассказанных Данте, я спросила: «Что вы привезли из Америки?»

«...Мышей белых жене для работы, а себе... мою старую кепку».

Мой дорогой, мой неповторимый.

***

Соломон Михайлович, Корнейчук и я. Ужин в гостинице, в Киеве. Ужин затянулся до рассвета. Любуюсь Михозлсом. Он шутит, смешит, вдруг он делается печальным. Я испытываю чувство влюбленной, я не отрываю глаз от его чудесного лица.

Уставшая девушка-подавальщица приносит очередное что-то вкусное. Михозлс расплывается и дарит подавальщице 100 рублей. В то время, перед войной, большие деньги. Я с удивлением смотрю на С. М. Он шепчет, наклонившись ко мне: «Знаете, дорогая, пусть она думает, что я сумасшедший». Я говорю: «Боже мой, как я люблю Вас...»

***

Гибель Михозлса — после смерти моего брата — самое большое горе, самое страшное в моей жизни...

***

...Замучилась, денег не дают и, кажется, не дадут. Бегаю, сутяжничаю, занимаю по пятерке.

Сегодня была у Щепкиной-Куперник, которая рассказывала о корректоре, переделавшем фразу «...на камне стояли Марс и Венера» в «...МАРКС и Венера».

Она же говорила, что Ермолова была так равнодушна к деталям, что, играя Юдифь в «Уриеле Акоста», не снимала нательного креста. И никто не замечал этого, хотя крест был виден. Не замечали — так играла Ермолова!

48 год, 26 января.

***

А. Я. Закутняк рассказал мне, что во время гастролей Комиссаржевской в Америке, где она играла «Дикарку», зрители время от времени дико вопили и неистово хлопали. Хохот, крики и аплодисменты неслись то с правой стороны зрительного зала, то с левой. Актеры были ошеломлены. В. Ф. (Вера Федоровна Комиссаржевская. — Ю. Д.) была в отчаянии.

Выяснилось, что зрители держали пари. Заключалось оно в том, что актриса подойдет к стогу сена по правой стороне сцены. Выигравшие ликовали. Когда же она отходила к противоположной стороне — ликование было еще неистовей. И так в течение всего спектакля. В ход шли большие пачки долларов. Вера Федоровна играла в полуобморочном состоянии. Интерес к ней американцев был вызван тем, что она графиня по мужу.

***

В Железноводске по утрам бродила с кружкой с минеральной водой. Болела печень. В те времена я еще лечилась. Обычно, проходя мимо газетного киоска, покупала газету. В ней оказалась траурная рамка с извещением о кончине Станиславского. Я заплакала, но это был не плач, а что-то похожее на собачий лай: ав, ав, ав... И так дошла до санатория, не переставая лаять. Кинулась на постель и начала нормально плакать.

Не забуду до смертного часа его на сцене. И сейчас вижу перед собой его Гаева, Крутицкого, Астрова.

***

Так и не написала о великолепной и неповторимой Гельцер.

Она мне говорила: «Вы — моя закадычная подруга». По ночам будила телефонным звонком, спрашивала, «сколько лет Евгению Онегину».

Уморительно смешная была ее манера говорить. Гельцер неповторима и в жизни, и на сцене. Я обожала ее. Видела все, что она танцевала. Такого темперамента не было ни у одной другой балерины. Гельцер — чудо!

***

В самые суровые, голодные годы военного коммунизма в числе нескольких других актеров меня пригласила слушать пьесу к себе домой какая-то дама.

Шатаясь от голода, в надежде на возможность выпить сладкого чая в гостях — я притащилась слушать пьесу.

Странно было видеть в ту пору толстенькую кругленькую женщину, которая объявила, что после чтения пьесы будет чай с пирогом.

Пьеса оказалась в 5 актах. В ней говорилось о Христе, который ребенком гулял в Гефсиманском саду.

В комнате пахло печеным хлебом, это сводило с ума. Я люто ненавидела авторшу, которая очень подробно, с длинными ремарками описывала времяпрепровождение младенца Христа.

Толстая авторша во время чтения рыдала и пила валерьянку. А мы все, не дожидаясь конца чтения, просили сделать перерыв в надежде, что в перерыве угостят пирогом.

Не дослушав пьесу, мы рванулись туда, где пахло печеным хлебом.

Дама продолжала рыдать и сморкаться и во время чаепития.

Впоследствии это дало мне повод сыграть рыдающую сочинительницу в инсценировке рассказа Чехова «Драма».

Пирог оказался с морковью. Это самая неподходящая начинка для пирога.

Было обидно.

Хотелось плакать.

***

...Из всего хорошего, сердечного, сказанного мне публикой, самое приятное — сегодня полученное признание. Магазин, куда я хожу за папиросами, был закрыт на обеденный перерыв. Я заглянула в стеклянную дверь. Уборщица мыла пол в пустом зале. Увидев меня, она бросилась открывать двери со словами: «Как же Вас не пустить, когда, глядя на Вас в кино, забываешь свое горе. Те, которые побогаче, могут увидеть что-нибудь и получше Вас (!!), а для нас, бедных, для народа — Вы самая лучшая, самая дорогая...»

Я готова была расцеловать ее за эти слова.

48 год, 22 июня.

Дневник на клочках

***

...Я часто думаю о том, что люди, ищущие и стремящиеся к славе, не понимают, что в так называемой «славе» гнездится то самое одиночество, которого не знает любая уборщица в театре. Это происходит оттого, что человека, пользующегося известностью, считают счастливым, удовлетворенным, а в действительности все наоборот. Любовь зрителя несет в себе какую-то жестокость. Я помню, как мне приходилось играть тяжелобольной, потому что зритель требовал, чтобы играла именно я. Когда в кассе говорили «она больна» — публика отвечала: «А нам какое дело. Мы хотим ее видеть. И платили деньги, чтобы ее посмотреть». А мне писали дерзкие записки: «Это безобразие! Что это Вы вздумали болеть, когда мы так хотим Вас увидеть». Ей-богу, говорю сущую правду. И однажды после спектакля, когда меня заставили играть «по требованию публики» очень больную, я раз и навсегда возненавидела свою «славу».

***

Прислали мне стихи Марии Сергеевны Петровых. Вспомнила я ее с невыразимой нежностью. Уже не помню, с кем она пришла, кто привел ее, такую на редкость милую, застенчивую, тихую. Читала мне свои дивные стихи и смущалась. Ее нежно любила Анна Андреевна, называла ее «Марусинька хорошая», любила ее стихи, считала прекрасным поэтом. У Анны Андреевны светлело лицо, когда она говорила о М. Петровых.

***

Впервые в жизни получила ругательное анонимное письмо, а я-то думала, что я такая дуся, что меня все обожают!!

52 год.

***

«...Друга любить — себя не щадить». Я была такой.

***

...Скончалась в муках Павла Леонтьевна (Вульф. — Ю. Д.), а я еще живу, мучаюсь как в аду.

***

Теперь, в конце жизни, я поняла, каким счастьем была для меня встреча с моей незабвенной Павлой Леонтьев-ной. Я бы не стала актрисой без ее помощи. Она истреби-ла во мне все, что могло помешать тому, чем я стала. Никаких ночных бдений с актерской братией, никаких сборищ с вином, анекдотами и блудом. Она научила радоваться природе — «клейким листочкам». Научила слушать и понимать лучшую музыку. В музеях мы смотре-ли то, что создавало для меня смысл бытия.

Она внушила страсть к Пушкину. Запретила читать просто книги, а дала познать лучшее в мировой литературе.

Она научила быть человеческой.

Она умерла у меня на руках.

Теперь мне кажется, что я осталась одна на всей планете.

Мне всегда было непонятно: люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства.

53 год.

***

...Снимаюсь в ерунде. Съёмки похожи на каторгу. Сплошное унижение человеческого достоинства, а впереди — провал, срам, если картина вылезет на экран.

60 год.

***

Стараюсь припомнить, встречала ли в кино за 26 лет человекообразных? Пожалуй, один Черняк, умерший от порядочности.

***

...Сегодня мне приснилось, что я звонила по телефону, разыскивала Павлу Леонтьевну. Кто-то ответил в трубку что-то невнятное, и вдруг я явственно услышала ее голос, она сказала: «Кто-то зовет меня к телефону», — и тут нас разъединили. Я пыталась позвонить, но забыла. Проснулась в тоске. Приходила Норочка Полонская, добрая душа, я хотела рассказать ей сон (я под впечатлением сна целый день) и постеснялась. Потом пришла Ир., которая когда-то мне сказала, что не любит, когда ей пересказывают сны.

И я вспомнила, что недавно думала и твердо знаю, что ничто так не дает понять и ощутить своего одиночества, как то, когда некому рассказать сон.

***

День кончился. Еще один напрасно прожитый день никому не нужной моей жизни.

65 год, 27 ноября, ночь, 2 часа.

Дневник на клочках

***

Поняла, в чем мое несчастье: скорее, поэт, доморощенный философ, «бытовая дура» — не лажу с бытом!

Деньги мешают и когда их нет, и когда они есть.

У всех есть «приятельницы», у меня их нет и не может быть.

Вещи покупаю, чтобы их дарить.

Одежду ношу старую, всегда неудачную.

Урод я.

***

...Если бы я вела дневник, я бы каждый день записывала одну фразу: «какая смертная тоска...» И все. Я бы еще записала, что театр стал моей богадельней, а я еще могла бы что-то сделать...

66 год, январь.

***

...Не сплю, ночи, целые ночи напролет не сплю. Тоскую смертно по Павле Леонтьевне (Вульф. — Ю. Д.). Если бы я писала что-то вроде воспоминаний, была бы горестная книжка.

В театре меня любили талантливые, бездарные — ненавидели, шавки — кусали и рвали на части. В жизни меня любила только П. Л.

***

Сегодня ночью думала о том, что самое страшное — это когда человек принадлежит уже не себе, а своему распаду.

***

...Ну и лица мне попадают, не лица, а личное оскорбление! В театр вхожу как в мусоропровод: фальшь, жестокость, лицемерие. Ни одного честного слова, ни одного честного глаза! Карьеризм, подлость, алчные старухи!

Ночью читала Марину (Цветаеву. — Ю. Д.) — гений, архигениальная, и для меня трудно и непостижимо, как всякое чудо. А вот тютчевское «и это пережить, и сердце на куски не разорвалось» разрывает сердце мне.

***

Ахматова рассказала мне, что в Пушкинский Дом пришел бедно одетый старик и просил ему помочь. Жаловался на нужду, а между тем он имеет отношение к Пушкину.

Сотрудники Пушкинского Дома в экстазе кинулись к старику с вопросами, каким образом он связан с А. С.

Старик гордо объявил: «Я являюсь праправнуком Булгарина».

***

Очень завидую людям, которые говорят о себе легко и даже с удовольствием. Мне этого не хотелось, не нравилось...

***

...Похороны — спектакль для любопытствующих обывателей.

***

...Я убила в себе червя тщеславия в одно мгновение, когда подумала, что у меня не будет ни славы Чаплина, ни славы Шаляпина, раз у меня нет их гения. И тут же успокоилась. Но когда ругнут — чуть ли не плачу. А похвалят — рада, но не больше, чем вкусному пирожному, не больше.

***

...Сначала бессонница, потом приходит сон, когда просыпается дом и дети сбегают с лестницы, торопятся в школу.

Боюсь сна, боюсь снов...

Вот вошла в черном Ахматова, худая — я не удивилась, не испугалась. Спрашивает меня: «Что было после моей смерти?» Я подумала, а стоит ли ей говорить о стихах Евтушенко «Памяти Ахматовой»...

Решила не говорить...

Во сне не было страшно, страх — когда проснулась. Нестерпимая мука — в то же утро видела во сне П. Л. (Павлу Леонтьевну Вульф. — Ю. Д.) — маленькая, черная, она жаловалась, что ей холодно, просила прикрыть ей ноги пледом в могиле.

Как я всегда боялась того, что случилось: боялась пережить ее.

66 год, декабрь.

***

Вчера была Людмила Толстая, вспоминали Алексея Николаевича. Людмила жаловалась на полное одиночество. Я уговаривала ее купить собаку.

Однажды Толстой сказал, что у меня терпкий талант.

Я спросила — почему терпкий?

Он объяснил: «Впивается как запах скипидара...»

Последнюю встречу с ним не забуду. Он остановил меня на улице, на Малой Никитской. Я не сразу его узнала, догадалась — это Толстой. Щеки обвисли, он пожелтел, глаза были тоже не его. Он сказал: «Я вышел из машины, не могу быть в машине — там пахнет. И от меня пахнет, понюхайте...»

Я сказала, что от него пахнет духами.

А он продолжал говорить: «Пахнет, пахнет, всюду пахнет».

Машина стояла рядом, но он не хотел в нее садиться. Я предложила проводить его до дому. Взяла его под руку. По дороге он просил меня запомнить и сказать всем, что

с фашистами нельзя жить на одной планете, что их надо поселить к термитам, чтоб термиты ими питались, или же чтобы фашисты питались термитами.

Его не надо было вводить в состав комиссии, которая изучала все злодеяния фашистов. Нельзя было.

Вскоре после этой последней с ним встречи его не стало.

Я его очень любила. Играла в его пьесе «Чудеса в решете» роль проститутки. Играла где-то в провинции. Пьеса из времен нэпа. Талантливая, забавная была комедия. Я любила роль, играла ее с наслаждением — всегда жалела женщин этой чудовищной профессии. Играла ее доброй, наивной, чистой. Ему нравился мой рассказ о том, как я решила образ этой несчастной.

Нельзя, нельзя было заставить его смотреть на то, чего нельзя вынести, после чего нельзя жить. Это зрелище убило его, прикончило...

***

Когда приезжал театр Брехта вторично, Елена Вейгель спросила меня: «Почему же Вы не играете „Кураж“, ведь Брехт просил Вас играть Кураж, писал Вам об этом?»

Брехта уже не было в живых.

Я долго молчала, не знала, что ответить. Потом виновато промямлила: «У меня ведь нет своего театра, как у вас».

«Но ведь *genosse* Завадский обещал Брехту, что поставит „Кураж“».

Я сказала, что у *genosse* Завадского — плохая память.

***

К Михаилу Ильичу Ромму отношусь с любовью и благодарностью за то, что он привел меня в кинематограф, где я (некстати сказать) хлебнула и горя.

Первая встреча с Михаилом Ильичом была в фильме «Пышка» по Мопассану. В то время я не имела представления о работе в кино. Я была уверена, что это происходит как в театре — «по звонку» к началу и антрактам — и что, как в театре, в определенный час бывает конец спектакля.

В те годы работать в кино было еще более трудно. «Мосфильм» плохо отапливался. Я не могла привыкнуть к тому, что на съемочной площадке, пока не зажгутся лампы, холодно и сыро, что в ожидании начала съемки необходимо долго томиться, бродить по морозному

павильону. К тому же на меня надели вериги в виде платья, сшитого из остатков грубого, жесткого материала, которым была обита карета героев «Пышки». Много еще оставалось вокруг неуютного, нехорошего, а я привыкла к теплomu и чистому помещению театра... В общем, я решила сбежать с картины. По неопытности. Помнится, мы с Михаилом Ильичом смертельно обиделись друг на друга. Кончилось же все это работой, съемками.

А во время съемок я в него влюблялась. Все, что он делал, было талантливо, пленительно. Все в нем подкупало: и чудесный вкус, и тонкое понимание мопассановской новеллы, ее атмосферы.

Видимо, добрейший Михаил Ильич простил мне мою попытку дезертировать, потому что позвал меня сниматься в своем новом фильме «Мечта»... Это были счастливые мои дни.

За всю долгую жизнь я не испытывала такой радости ни в театре, ни в кино, как в пору нашей второй встречи с Михаилом Ильичом. Такого отношения к актеру — не побоюсь слова «нежного», — такого доброжелательного режиссера-педагога я не знала, не встречала. Его советы, подсказки были точны и необходимы. Я навсегда сохранила благодарность Михаилу Ильичу за помощь, которую он оказал мне в работе над ролью пани Скороход в «Мечте», и за радость, когда я увидела этот прекрасный фильм на экране.

***

...М. Ромм повел меня к Шостаковичу, я стеснялась, боялась, трудно около гения, о чем говорить. Решилась сказать, что потряс 8-й квартет.

А на другой день он прислал мне пластинки всех квартетов.

Маленький, величественный, простой, скорбный.

Ужасно понравился.

Скромный, знает ли, что он — гений?

Нет, наверное.

67 год.

***

Однажды попала в больницу по поводу диабета. В коридоре увидела Шостаковича и завопила: «Какая радость Вас видеть!» Страшно смутилась, и мы оба рассмеялись. Он мне тоже обрадовался.

Я рассказала ему, как мы с Ахматовой слушали знаменитую «Ленинградку» в Ташкенте, в эвакуации, как дрожали обе, слушая его гениальную музыку. В ней было все: было время наше, время войны, бед, горя. Мы плакали. Она редко плакала.

Рассказала, с каким волнением слушаю 8-й квартет, как потрясла меня его музыка.

Был он таким тихим, кротким. Однажды поднял рукав пижамы, показал тонкую руку ребенка, сказал: «Посмотрите, что стало с моими руками». Жаловался, что к нему не пускают внуков, что смотрит на них в окно, а хочется с ними беседовать, слушать их. «Ведь они так быстро растут», — говорил он печально.

И теперь, когда смотрю на его фото с доброй, ласковой надписью, хочется плакать.

Я не имею права жаловаться — мне везло на людей.

***

...У меня хватило ума глупо прожить жизнь. Живу только собою — какое самоограничение.

***

...Вчера возили на телевидение. Вернулась разбитая. Устала огорчаться. Снимали спектакль «Дальше — тишина». Неумелые руки, бездарные режиссеры телевидения, случайные люди.

Меня не будет, а это останется.

Беда.

78 год.

***

...Огорчить могу — обидеть никогда.

Обижаю разве что себя самое.

Вокруг сердитые все, кроме Толи Адоскина.

Моя жизнь: одиночество, одиночество, одиночество до конца дней.

***

Стук в дверь. Утро раннее, очень раннее. Встаю в ночной рубахе.

— Кто там?

— Я, Твардовский. Простите...

— Что случилось, Александр Трифонович?

— Откройте.

Открываю. «Понимаете, дорогая знаменитая соседка, я мог обратиться только к вам. Звоню домой — никто не отвечает. Понял — все на даче. Думаю, как же быть? Вспомнил, этажом ниже — Вы. Пойду к ней, она интеллигентная. Только к ней одной в этом доме. Понимаете, мне надо в туалет...»

Глаза виноватые, как у напроказившего ребенка.

Потом я кормила его завтраком. И он говорил: почему у друзей все вкуснее, чем дома?

Он бывал у меня. Иногда просил водку. Спрашивал, нет ли у меня водки. Я ему не давала ее.

В гостиной долго смотрел на портрет Ахматовой. Его слова: «Вот — наследница Пушкина!..»

18.08.76 год.

Дневник на клочках

***

И еще. Приехал из Италии. «Вы, конечно, начнете сейчас кудахтать: ах, Леонардо, ах, Микеланджело. Нет, дорогая соседка, я застал Италию в трауре. Скончался Папа Римский. Мне сказали, что итальянские коммунисты плакали, узнав о его смерти. Мы с товарищами решили поехать к Ватикану, но не могли добраться, т. к. толпы народа в трауре стояли на коленях за несколько километров».

И тут он мне сказал:

— Мне перевели энциклику Папы. Ну, какие же у нас дураки, что не напечатали ее.

Сказал это сердито, умиляясь Папе, который призвал братьев и сказал им: «Братья мои, я ничего вам не оставляю, кроме моего благословения, потому что я из этого мира ухожу таким же нагим, каким я в него пришел».

***

В темном подъезде у лифта стоит Твардовский (трезвый).

Я:

— Александр Трифонович, почему вы такой печальный?

Опустив голову отвечает:

— У меня мама умерла.

И столько в этом было детского, нежного, святого, что я заплакала.

Он благодарно пожал мне руку.

***

Мы часто встречались у лифта. Александр Трифонович (не трезвый) пытается открыть лифт, вертя ручку в обратную сторону. Подхожу и вдруг слышу в ответ на мое предложение помочь:

— Может быть, вы меня приняли за Долматовского?

Так я не Долматовский.

Я рассмеялась.

Твардовский гневно:

— Ничего не вижу смешного!

***

Как-то давно-давно смотрела фильм, название которого не помню. Но по сей день мне видится лицо, глаза прелестной девушки с гусем в руках, она с восхищением рассматривает незнакомую ей улицу. Все ее удивляло, забавляло.

Я подумала, любуясь ею, о том, что у нас появилась редкостно талантливая, обаятельная актриса. Увидев знакомого режиссера, спросила: «Что это за прелесть с гусем?» И впервые услышала имя, ставшее дорогим всем нам. Имя недавно ушедшей от нас Веры Петровны Марецкой.

Меня связывала с ней многолетняя дружба. Я полюбила ее редкостное дарование, ее человеческую прелесть, юмор, озорство. Все в ней было гармонично и пленительно. Я никогда не скучала с ней, было с ней весело и любопытно.

Тяжело мне об этом и думать, и говорить. И Вера меня любила и называла: «Глыба!» Если бы я могла в это верить!

Нет, я знала актрис лучше Раневской.

81 год.

Дневник на клочках

***

Успех — единственный непростительный грех по отношению к своему ближнему.

***

Осип Наумович Абдулов уговорил меня выступать с ним на эстраде. С этой целью мы инсценировали рассказ Чехова «Драма». Это наше совместное выступление в концертах пользовалось большим успехом.

Как ошибочно мнение о том, что нет незаменимых актеров. Когда не стало О. Н., я скоро прекратила выступать в этой роли. Успеха больше не было.

Мне посчастливилось часто видеть его в домашней обстановке. Обаяние его личности покоряло меня. Он любил шутку. Шутил непринужденно, легко, не стараясь рассмешить. За долгую мою жизнь я не помню никого, кто мог бы без малейшего усилия шуткой привести в радостное, хорошее настроение опечаленного друга.

Как актер он обладал громадным чувством национального характера. Когда играл серба — был подлинным сербом («Министерша»), подлинным англичанином («Ученик дьявола»), подлинным французом («Школа неплательщиков»), подлинным греком («Свадьба» Чехова).

Я часто сердилась на Осипа Наумовича за то, что он непосильно много работает, не щадит себя. Он на все мои нападки неизменно отвечал: «В этом смысл моей жизни».

Однажды после окончания ночной съемки в фильме «Свадьба», где он чудесно играл грека, нам объявили, что

машины не будет и что нам придется добираться домой пешком. Осип Наумович сердился, протестовал, долго объяснялся с администратором, но, тут же успокоившись, решил отправиться домой как был, в гриме, с черными усами и бровями, в черном парике и турецкой феске. По дороге он рассказывал мне какую-то историю от лица своего грека, на языке тут же им придуманном. Свирепо вращал глазами, отчаянно жестикулировал, невольно пугая идущих на рынок домашних хозяек. Это была не только озорная шутка, это было творчество, неумный темперамент, щедрость истинного таланта. И это — после трудной ночной съемки.

Наша прогулка продолжалась бы дольше, если бы изумленный нашим видом милиционер категорически не потребовал, чтобы мы немедленно шли домой.

Возвращаясь со спектакля в гастрольных поездках по Союзу и за рубеж, мы обычно ужинали у меня в номере гостиницы. И даже после ухода О. Н. к себе, вспоминая его рассказы, я, оставшись одна, еще долго хохотала, как филин в ночи, чем приводила в недоумение дежурного коридорного.

С особенно нежной любовью он говорил о Ростиславе Плятке, восхищался его талантливостью. Я вообще заметила, что талант всегда тянется к таланту и только посредственность остается равнодушной, а иногда даже враждебной к таланту.

***

Принесли собаку, старую, с перебитыми ногами.
Лечили ее добрые собачьи врачи.

Собака гораздо добрее человека и благороднее.
Теперь она моя большая и, может быть, единственная
радость. Она сторожит меня, никого не пускает в дом.
Дай ей Бог здоровья!

***

...Мой подкидыш в горе. Ушла нянька, которая была
подле него два года (даже больше). Наблюдаю псину
мою... А она смертно тоскует по няньке. В глазах отчая-
нье, ко мне не подходит. Ходит по квартире, ищет няньку.
Заглядывает во все углы, ищет. Упросила няньку зайти
повидаться с псиной. Увидел ее — упал, долго лежал не
двигаясь. У людей это обморок. У собаки — больше, чем
обычный обморок.

Я боюсь за него, это самое у меня дорогое — псина
моя. Человечная.

81 год.

***

...Мальчик сказал: «Я сержусь на Пушкина, няня ему
рассказала сказки, а он их записал и выдал за свои».
Прелесть!

Но боюсь, что мальчик все же полный идиот.

81 год.

***

Диалог с домработницей:

— Что на обед?

— Детское мыло и папиросы купила...

— А что к обеду?

— Вы очень полная, вам не надо обедать, лучше у ванне купайтесь...

— А где же сто рублей?

— Ну, уот детское мыло, папиросы купила...

— А еще?

— Та что уам считать? Деньги от дьявола, о душе, Фаина Георгиевна, надо думать...

***

...Сижу в Москве, лето, не могу бросить псину. Сняли мне домик за городом, и с сортиром. А в мои годы один может быть любовник — домашний клозет.

Одиноко. Смертная тоска.

Читаю Даррелла, у меня его душа, а ум курицы.

Даррелл — писатель изумительный, а его любовь к зверью делает его самым мне близким сегодня в злом мире.

81 год.

***

...Все думаю о Пушкине. Пушкин — планета! Он где-то рядом. Я с ним не расстанусь. Что бы я делала в этом мире без Пушкина...

81 год.

***

...Бог мой, как я стара — я еще помню порядочных людей!

***

...Нет уже и Миши Яншина, любила его слушать. Актер был редкостно талантливый, и слушать его было интересно. Рассказал мне, как однажды на репетиции отказался следовать указанию Станиславского, потому что не согласился... с его решением куска.

Станиславский опешил. Сказал «репетиция окончена» и вышел. Яншин испугался, актеры на него накинулись, хотели отколотить. Яншин убежал домой, плакал, проклинал себя. Наутро его позвали к телефону. Яншин понял — его увольняют. К телефону подошел Константин Сергеевич и сказал: «Я долго думал, почему Вы не захотели следовать моему указанию, в чем была моя ошибка, и понял, что Вы были правы».

Говоря это, Яншин заплакал. Заплакала и я от любви к К. С.

75 год.

***

Режиссеры меня не любили, я платила им взаимностью. Исключением был Таиров, поверивший мне.

***

...В жизни была у меня только одна встреча со Станиславским. В Леонтьевском переулке я увидела его едущим на извозчике, кинулась к пролетке и завопила: «Мальчик мой, дорогой!» Он расхохотался, я очень горжусь, что рассмешила К. С.

***

...А может быть, поехать в Прибалтику? А если там умру? Что я буду делать?

***

...Театр катится в пропасть по коммерческим рельсам. Бедный, бедный К. С.

***

...Наверное, я чистая христианка. Прощаю не только врагов, но и друзей моих.

***

...Я обязана друзьям, которые оказывают мне честь своим посещением, и глубоко благодарна друзьям, которые лишают меня этой чести.

***

...С упоением била бы морды всем халтурщикам, а терплю. Терплю невежество, терплю вранье, терплю убогое существование полунцистки, терплю и буду терпеть до конца дней.

Терплю даже Завадского.

***

...Чтобы получить признание — надо, даже необходимо умереть.

***

...Когда мне не дают роли в театре, чувствую себя пианистом, которому отрубили руки...

***

...В пять лет была тщеславна, мечтала получить медаль за спасение утопающих. Теперь медали, ордена держу в коробке, где нацарапала: «Похоронные принадлежности».

***

...Если бы я часто смотрела в глаза Джоконде, я бы сошла с ума: она обо мне знает все, а я о ней ничего.

***

...Ираклий Андроников назвал меня «явлением», а я добавила — «без появления», потому что дирекция театра меня таковой не считает...

***

Не наблюдаю в моей дворняге тупости, которой угнетают меня друзья-неандертальцы.

А где теперь взять других?

Стало холодно, конец декабря.

Ненавижу зиму. Снег как саван.

Зима хороша для «танца на льду», лыж, а теперь мне тошно от снега-савана.

***

...Бог мой, как прошмыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи.

78 год.

***

Воспоминания — это богатства старости.

***

...Получаю письма: «...помогите стать актером»,
отвечаю — Бог поможет.

***

...Когда я слышу приглашение «приходите потрепать-
ся» — мне хочется плакать.

***

В общем, жизнь прошла и не поклонилась, как сердитая соседка...

***

...Ужасно раздражают голоса...

Писъма

Талантливая актриса XX столетия была особенной во всех отношениях. Ей не было равных на сцене, и это знают все. Но вот чего, возможно, не знают: Фаина Георгиевна не могла не ответить на письмо. От кого бы оно ни приходило.

Она обожала талантливых людей. Если в чужом спектакле заметит способного человека или услышит в передаче по радио — обязательно напишет, обласкает, похвалит, восхитится... представлю, как бывали поражены адресаты...

Она обладала несомненным литературным даром, вы убедитесь в этом, читая остроумную переписку с известной очеркисткой «Известий» Татьяной Тэсс, где Фаина Георгиевна выступает под псевдонимом Афанасий Кафинькин.

Фаина Георгиевна умела дружить и была верным человеком. Таких часто предают. И она не исключение, к сожалению. Об этих черных месяцах и днях — никому ни слова. Никогда. Нашла где-то школьную тетрадку и писала сама себе. Грустную историю разочарований.

Такая мудрая переписка с собой.

А потом вдруг в дом на Котельнической набережной или в Южинский переулок приходило письмо от друзей. И можно было выкарабкаться из беды на этот спасительный «плот», оглядеться, надышаться. И вроде бы ничего особенного в тех письмах, вы сами в этом убедитесь, — ан нет, держат, позволяют жить...

Не ищите в переписке хронологии, алфавитного порядка — не это важно. Обаяние личности — вот что поразительно приятно в наше суетное безличностное время.

Юрий Данилин

Ф. РАНЕВСКАЯ — писателю В. НЕКРАСОВУ

Милый, дорогой В. П.

Не могу писать писем, а потому послала телеграмму. Боюсь, что Вы ее не получили. Телефонистка-кретинка уверяла, что Крещатик — фамилия. Я орала в трубку: Катя, Роман, Елена, Щорс... Телефонистка спросила: «Что это Щорс?»

Нестерпимо грустно. Очень хочется с Вами увидеться.

Браню себя, даже ненавижу себя за то, что болтала всякую ерунду (хотела произвести впечатление) и не давала Вам говорить. Книжку читала с восторгом, с восхищением и чувством черной зависти. Хотелось бы и мне так писать. Получила грозное предупреждение — из издательства. Строчки не могу выдать.

Пожалуй, единственная болезнь, которой нет у меня, — графомания, а как бы сейчас она мне пригодилась...

(Речь идет о книге Некрасова «В окопах Сталинграда». — Ю. Д.)

В. НЕКРАСОВ — Ф. РАНЕВСКОЙ

Дорогая, дорогая Фаина Георгиевна!

Вот видите, как в жизни случается. Вернулся я из леса, норвежского леса на берегу озера. Включил транзистор послушать последние известия и вдруг слышу, как Завадский поздравляет Вас. Вот так вот, прекрасно модулируя, говорит о Вас массу прекрасных, одно лучше другого, слов...

А потом объявили пьесу с Вашим участием. И Вашего неизменного Ростислава Плятта...

Я развалился на диване и, устремив глаза на сосны и ели, стал слушать историю о стариках и детях в этой проклятой Америке...

И услышал Вас... И вспомнил Вас. Единственный мой визит к Вам, визит, который... Да что говорить. И почему я больше к Вам не зашел? А, успею... И вот, успел...

А ведь я к тому же Ваш должник. Должен Вам десятку, а м. б. и больше...

Итак, насколько я понял со слов Завадского, Вам стукнуло... А вот сколько, не знаю. Он не сказал. И тут уж я должен сказать — какое это имеет значение? Наша Раневская всегда молода! Сердцем, душою...

Так ли это, дорогая Фаина Георгиевна? Ох, как хотелось бы, чтоб так, хотя, по-моему, и сердце, и душа должны соответствовать возрасту. Так или иначе, но Вы для меня остались той, какая вы есть. (Дальше эпитеты, которые Вам самой хорошо известны...)

Короче — я в Вас тогда влюбился. И люблю до сих пор. За все...

...Так я и не узнал, чем же кончилось все в этой американской семейке. Узнал только, что Вы приготовили плохой обед. А дальше затрещало и исчезло... Обо всем остальном в следующий раз, если он состоится. Крепко, крепко Вас обнимаю и целую!

В. Некрасов.

Осло. 26. VIII. 76 г.

Народный артист СССР В. КАЧАЛОВ —
Ф. РАНЕВСКОЙ

Спасибо Вам, дорогая Фаина, за письмо. Рад был его получить. И грустно стало за Вас, что такое безрадостное и тяжелое для Вас выпало лето, не давшее Вам ни отдыха, ни утешения...

Не падайте духом, Фаина, не теряйте веры в свои богатые силы, в свои прекраснейшие качества — берегите свое здоровье. Больше всего думается — именно теперь — в эту Вашу неудачливую, несчастливую полосу жизни — больше всего думается о здоровье.

Только о своем здоровье и думайте. Больше ни о чем пока! Все остальное приложится — раз будет здоровье. Право же, это не пошляческая сентенция. Ваша «сила» — внутри Вас, Ваше «счастье» — в Вас самой и Вашем таланте, который, конечно, победит, не может не победить всякое сопротивление внешних фактов, прорвется через все «несчастья», через всякое «невезение» и всякие «незадачи», через всякие очные ставки с подкидышами — через головы Судаковых и Поповых, назло всем старухам зловещим Малого театра. Только нужно, чтобы Вы были здоровы и крепки, терпеливы и уверены в себе. Главное — здоровы!

Мне живется здесь не плохо. Больше всего наслаждаюсь воздухом и покоем одиночества. С удовольствием встаю в 6, а иногда и в 5 ч. утра. Встречаюсь со множеством людей, но ни с кем не общаюсь. Наслаждаюсь «публичным одиночеством» (по Станиславскому). И на людях отдыхаю от людей. И с удовольствием думаю о скорой встрече с теми немногими друзьями, такими как Вы, занявшими прочное место в недрах моей души. Sic!

Крепко Вас обнимаю — Ваш В. Качалов.

P. S. Смешно, что Вы на адресе, на открытке, запнулись на слове Василий. У Вас вышло так: Василилию Ив-чу...

Записка В. КАЧАЛОВА Ф. РАНЕВСКОЙ в больницу

«Кланяюсь страданию твоему». Верю, что страдание твое послужит тебе — к украшению, и ты вернешься из Кремлевки крепкая, поздравовевшая, и еще ярче засверкает твой прекрасный талант.

Я рад, что эта наша встреча сблизила нас, и я еще крепче ощутил, как нежно я люблю тебя. Целую тебя, моя дорогая Фаина.

Твой ЧТЕЦ-ДЕКЛАМАТОР.
25.VIII.

Писатель В. КАВЕРИН — Ф. РАНЕВСКОЙ

Дорогая Фаина Георгиевна!

Спасибо за Ваше сердечное письмо, за то, что Вы любите мои книги, которые, впрочем, могли быть и лучше. Я очень, очень рад, что Вы относитесь ко мне с такой симпатией. И я Вас люблю за умный талант, за тонкость и изящество Вашей игры.

Жаль, что мы встречаемся так редко. Лидия Николаевна и я были бы счастливы увидеть Вас у себя. За наши редкие встречи я всегда благодарю Елену Сергеевну (Булгакову. — Ю. Д.).

Что касается Герцена — он, разумеется, прав. Я думаю, однако, что и частная жизнь артиста представляет собой драгоценный комментарий к его искусству. Этот комментарий в Вашей игре неизменно чувствуется, преображая даже то, что иногда недостойно Вашего таланта и вкуса.

Еще раз спасибо.

Всегда Ваш В. Каверин.
24.IV.62 г.

Ф. РАНЕВСКАЯ — журналистке Т. ТЭСС
(Под псевдонимом А. Кафинькин)

Здравствуйте, Татьяна Тэсс!

Увидел я Вашу карточку, и невозможно смотреть без волнения, как вы загадочно улыбаетесь — «Огонек» 45, индекс 70663.

Рассказ при ней также написан с большим знанием дела, хоть я и не люблю чтения про буржуазный строй, чуждый советским людям. Из Вашего яркого сочинения видно, что наши люди лучше заграничных, хоть я и пострадал от нашего советского. Я был обокраден племянником на почве доверия к людям.

Этим летом я решил удалиться на свежий воздух для поправления организма. Как говорится, годы берут свое, и женские капризы подорвали здоровье, а по просьбе вышеизложенного родственника я оставил его в моем доме на предмет сбережения имущественного фонда, т. к. в последнее время наблюдается, что в Малых Херах беспокойно от тунейдцев и бывали случаи нападения с помощью холодного оружия. Это нежелательное явление со стороны молодежного туризма, которые повадились наблюдать достижения предков по линии церквей, а также банных заведений далекого прошлого.

Возвратился я полный сил, как тут же обнаружил пропажу кальсон (2 пары темно-фиолетовых с начесом), а также пиджака (люстрин) и настольной лампы (импорт). Зная, как перо в Ваших руках хлестко бьет по явлениям и как душевно, горячо Вы переживаете на страницах прессы отрицательные стороны нашей действительности, прошу Вас написать про мой случай, имевший место.

И еще должен сказать, когда читаю произведения, сходящие с Вашего пера, всегда переживаю острые переживания. В Вашем пере волнует борьба за правду и хорошее внутри человека. Мои соседи того же мнения, и мы часто обсуждаем совместно Ваши умные сочинения, выхваченные из жизненных процессов людей. Когда получаем газету, перво-наперво ищем Ваше фамилие, и если ее нету, то и не читаем, скука одолевает.

Пишите, Татьяна, чаще. Пишите, почему нет снижения цен и других достижений? Почему к нам в Малые Херы не приезжают выдающиеся артисты для обмена культурными ценностями? Многое еще хочется поведать Вам, зная Ваше чуткое отношение к трудящим. К примеру: выходил я большую курицу (чахотка легких). И что же Вы думаете, на основании найденных у соседей во дворе перьев и пуха она была похищена в период именин бухгалтер завода «Путь в коммунизм». Прошу этот случай описать с присущей Вашему таланту верой в человека.

Или возьмем такое: у моего кореша случился геморрой, после чего он, не долго думая, скончался, не дождавшись врача. Несмотря на мои позывные, врачиха явилась через отрезок времени. Совместимо ли это с нашей конституцией?

В это, Татьяна, Вам надо вникнуть, чтобы покончить с пережитками нашей счастливой жизни! В наступающем Новом 1967 году желаю еще острее оттачивать Ваше гневное перо на благо Родины. Желаю счастья в личном разрезе.

С глубоким почтением
Кафинькин А. И.

Мой адрес: Малые Херы, б. Помойный (быв. Льва Толстого), собственный дом.

***

Я верил, Татьяна, в Ваш неуклонный рост на основе Вашего пера, в преддверии Вашей эскалации, а прочитал про художественную диффамацию артистки (Раневская) и понял, что Вы иссякли как таковая.

Артистку не знаю и знать не хочу. И зачем Вы на нее пустили Вашу научную мысль? Зачем Вас метнуло на пережитки счастливого прошлого нашей суровой действительности? Старуха, согласно Вашему яркому описанию данных поведения, — ненормально помешанная, такая и ларек может ограбить. Артистки, как факт, все легкого поведения, им только в ресторанах закуски есть и мужей отбивать, а Вы на них углубили взгляд людей, у которых еще хватает совести совать мне газету и восклицать в смысле Вашего апофеоза.

В мои молодые годы прошлых лет я знал артистку — было на что посмотреть. Фамилие ей было — Лобзальская. Глаз у нее, правда, косил, но играла она броско, с танцами и в трико. И такие протуберанцы выделявала ногами, что дух захватывало. А когда в бенефис играла «Драмы в суфлерской будке» — людей выносили из зала, а кто оставался сидеть — был в обмороке, но тем не менее никто про ее рентабельную игру не писал в газете на 4 столбца.

Писать надо про людей как я, про мой возраст. С Вашими рассуждениями про таких, как я, надо с большой буквы кричать. У артистов ничего не проходит красной нитью, а я многие годы жил с буржуазной отрыжкой в голове, говел, имел сношения, а под влиянием Вас пробудился, и теперь прошу вернуть мои гражданские права. Под влиянием Вас ездил в Тамбов, на коллоквиум мысли, где состоялся форум в направлении. Дорога в два конца,

ресторан-кафе, где отравился свежей рыбой. Снимал люкс на две койки с водоснабжением. Все это во имя Вас, с Вашим призывом к моей духовной пище.

Махните про меня, рука не отсохнет, Татьяна! Пишите про простого советского человека, как он, малограмотный, читает лекции по вопросам, пишет версии про открытия, читает доклады про новейшую живопись нового направления. Под Вашим пером я подвергался и теперь на грани. Пусть люди знают, как я вырос на ниве.

В Тамбове после вопросов была драка, но в перемирие поели грибов в кафе «Восторг». Женщины в Тамбове преобладают с кривыми ногами, но есть одностороннее движение.

Гулял с одной блондинкой, встреченной на коллоквиуме. Но у нее воображение выражает отсталость научной мысли, и нет в ней взгляда Ваших глаз, что неуклонно врезалось в память.

Пришлите, Татьяна, свое свежее фото, чтобы я ориентировался.

С нетерпением жду Вашего выступления по моей части в Вашем органе.

С пламенным приветом
Афанасий Кафинькин.

Посвящается Т. Тэсс:

Годы бегут, а друга нет как нет.
Расходы увеличились вдвое.
Веселой прошлой жизни простыл и след.
И никуда ум не годится и здоровье.

А в прошлом было все:
Ломился стол от кушаний, напитков,
Колбасы всех сортов, копчености.

С вязигою пирог и женский смех
Вокруг веселый и игристый.
Где это все, вот что интересно!

Суважением
А. Кафинькин.

***

Татьяна!

Привет с Парижа. Я нахожусь в преддверии для наблюдений над явлениями. Конечно, город на уровне, плохого не скажу, но и хорошего мало. Из достопримечательностей имеется башня, на самой верхушке – ресторан. Население, в основном, французы и женщины легкого поведения.

Чем нас бьют французы – это магазинами. И говоры разные бросаются в глаза. Был в ночном заведении, где показывали разные штуки в области половых отношений. Конечно, такого в СССР нам с Вами не покажут.

Посольские ребята затащили в музей, где люди стояли возле каменной фигуры, которая в настоящее время стоит без рук. Кто ей руки обломал, пока не выяснили, но следствие ведется. Кругом говорили, что она – красавица, но не верьте, Татьяна, например, моя жена-покойница была интересней.

Подводили меня к картине в дорогой раме, на картине нарисована женщина мало интересная, кругом говорили, что у ней особенный взгляд глаз, но я ничего особенного не заметил. У нас в Манеже были покрасивше, а что без рук статуя, то это даже хулиганство. Я нигде у нас не видел, чтобы в парке «Девушка с веслом» стояла без весла, а тем более без рук.

Много у них жульничества, так что можем соревноваться.

Как Вы знаете с газет, была в Париже «Неделя марксистской мысли». Я всю неделю делился мыслями с другими нашими советскими. Сейчас начинаю изучать все по-ихнему, для обмена опытом. Уже выучил слово «нон», по-ихнему «нет», «бонжур» по-ихнему — «как живем?». Водка по-ихнему — тоже водка. Так что больших трудностей нету.

Наша комиссия, где я работаю над проблемами, уже пришла к выводу. По слухам, следующая командировка намечается в Австралию, так что по приезде с Парижа придется углубиться в изучение австралийского языка. Дали маху, Татьяна, а то бы ездили вместе на континенты, приоделись бы, выступали бы по вопросам, а тему уже подготовил: «Протезирование будущего на почве настоящего».

Теперь моя специальность — «наше будущее». Скоро увидите мое фотографии за круглым столом прогнозистов-оптимистов.

Если надумаете приехать: Париж, советское посольство, А. Кафинькину.

Купил Вам касторовую шляпку, пальто с перьевым воротником. Жду.

Письмо Народной артистки СССР
М. БАБАНОВОЙ — Ф. РАНЕВСКОЙ

Родимая моя, Фаиночка!

Как мне Вас, родная, дорогая, бесценная, и чем отблагодарить за Вашу верную руку настоящего друга, ко-

торый не только сочувствует, но действует — будучи сам и болен, и бессилен.

Да, Вы — настоящий друг и большой человек. Меня так потрясла Ваша забота, что моя замороженная и загнанная куда-то глубоко душа — вдруг оттаяла и мне захотелось человеческого общения, которого я уже боялась и избегала изо всех сил.

Мне было очень худо, как никогда, я очень явственно почувяла близость «конца» своей неудачливой и жалкой жизнишки, и мне не хотелось взывать к жалости и мучить своими бедами других людей.

И вдруг ворвался яркий и солнечный луч, согрел и разорвал эту плотную тьму. Как мне Вас отблагодарить за это оживление, восстание «из мертвых».

Горячо обнимаю Вас, которая умеет понять чужую душу — так как сама имеет большую душу, вмещающую боль других людей.

Я думала, что этого уже не бывает, я зачерствела в недоверии, сомнениях, так как слишком много переглотала глубоких обид, оскорблений и разочарований. Вы меня подняли, согрели и оживили — у меня не хватает слов, как сильнее и вернее передать Вам мое «возвращение к жизни». Назовем так условно.

Как только смогу двигаться, постараюсь лично Вас обнять. Очень огорчена, что обстоятельства задержали на один, правда, день, — посылаю диетические пустячки и прошу Нину найти лучшие цветочки. Плачу от радости иметь такого дорогого товарища.

Навеки Ваша.
Марья Бабанова.

Записка Ф. РАНЕВСКОЙ
Народной артистке СССР Т. ПЕЛЬТЦЕР
(на открытке с бабочками)

«Татьянин день». Таничка, я так крепко Вас люблю, что, борясь с ленью, пишу записку карандашом — моим сверстником!

Вы не представляете, как мне хочется Вам много сказать и только хорошего, моя дорогая, моя славная, Таничка!

Люблю Вас за талант, за доброе сердце, за все, что люблю в Человеке.

Ваша Раневская.

P. S. Пусть бабочки всегда летают над Вами, даже зимой.

25.I.79 г.

Народная артистка СССР
ВЕРИКО АНДЖАПАРИДЗЕ — Ф. РАНЕВСКОЙ

Моя дорогая Фаина Георгиевна!

Дни проходят, а я все никак не соберусь Вам написать. Очевидно, потому, что не написать мне надо, а ответить на Ваше письмо, что мне безумно трудно.

Вы буквально меня обезоруживаете. Щедрость Вашей души в отношении меня — беспредельна. И за что Вы меня так балуете — клянусь Вам, не знаю. Поэтому Ваше удивительное отношение ко мне я отношу за счет богатств Ваших человеческих качеств, Вашей человеческой природы. Если еще остались слова, которые могут выразить мою к Вам любовь, нежность, благодарность, — я их все собираю и шлю Вам, моя родная!

За пьесу большое, большое спасибо, очень она мне понравилась, пожалуй, и я ее оставлю напоследок. (Речь идет о пьесе «Дальше — тишина». — Ю. Д.)

Текст своеобразно примитивный, и все очарование пьесы в душевном складе двух стариков, и до чего она правдива и на самом деле всегда нужная, всегда злободневная. Я без слез не могу ее читать. Я обязательно ее сыграю. Еще раз спасибо Вам за нее!

Пьесу на днях я вышлю Вам, никому я ее в руки не даю, сама же буду ее переводить. Да, еще вот что — очевидно, Вы не меньше меня понимаете, что партнер обязателен. Без отца не выйдет мать. А у него при большой внутренней драме все время присутствует юмор. Что, по-моему, обязательное качество, которое должно быть в природе актера, играющего отца.

Любимая Вы моя, дорогая Фаина Георгиевна, больше месяца я лежала с воспалением легких. И сейчас процесс еще не ликвидирован, и ослабла я страшно. А между тем меня ждет работа и опять трагическая роль, а главное, делалась пьеса для меня — не знаю, что и как будет. И как Вы правы, до чего будет приятно играть мать без затраты физической энергии, но душа, конечно, и там будет болеть.

Юбилей по поводу 50-летия артистической деятельности, кстати, через год мне стукнет 70 лет, возраст, не требующий комментариев! Много, многое в Вашем письме преувеличено. Клянусь Вам, я предельно искренна, Вы перестаньте меня так хвалить... — а то я открою свои профессиональные секреты и Вам станет неловко.

Если юбилей будет (мне так плохо, что черт его знает, что еще будет), конечно, я сообщу Вам, а вдруг — чем черт не шутит — Вам будет так хорошо, что захотите проехаться до Тбилиси. Вот это был бы юбилейный подарок!

Ну — доживем, увидим.
Здоровья, здоровья Вам желаю.
Обнимаю Вас, дорогая.
Крепко-крепко.

Всегда Ваша Верико.

***

Моя драгоценная Фаина Георгиевна!

Получила Ваше чудесное письмо! Почему оно чудесное? Во-первых, Вы здоровы, во-вторых, каждая Ваша ласка — как манна небесная, в-третьих, в Вас ни чуточки не стала меньше тяга к сцене. Ура! (Как это замечательно, как я Вас за это люблю!) А в целом мне очень нужны Ваши письма. Они меня будоражат, дразнят. Когда приходит письмо с размашистым почерком на конверте — будто подарок получила.

А вот у меня постепенно отмирают сценические чертики. Не то очень устала от неустроенности быта, который меня заедает, не то в театрах у нас середина — непополам. То, что я больше всего не выношу.

А в общем, просто я постарела. На пенсию не пускают. Думают, что я еще что-то могу. Да еще юбилей мне готовят весной. А я уже испытала это невыносимое состояние. Будто в гробу лежишь, все хвалят, хвалят, а чувство такое, что это все о ком-то другом, или во всяком случае о той, которая была, — поверьте, я не кокетничаю. Зачем мне это нужно? Одно там хорошо — народ меня любит, и этот натиск народной любви до слез трогает.

Ну, вот, дорогая, разболталась я. Сейчас ничего не играю, и не тянет играть ни в какую. Для меня готовят пьесу на основе старинной легенды. И опять трагедия, слезы, страдания. Женщина прошла через все муки ада, но в

чистоте сохранила веру в высшее существо и любовь к народу своему. Посмотрим, что выйдет, — если смогу ее осилить — черт со мной, опять кровью изойдется душа.

Имею предложение на телевидении сыграть миссис Сэвидж и еще одну мать в «Хрустальном зверинце». Я столько замечательных строк прочла о Вашей Сэвидж (как мне хочется ее увидеть). Потому что она Ваша — боюсь ее играть.

А вторая — очень интересный образ матери, необыкновенный, каких я не играла. Тоже боюсь соглашаться. Вдруг не вытяну? Видимо, отсутствует желание. А оно в нашем деле решает!

А вот Вы еще пишете о какой-то интересной роли, и любопытство мое разгорелось.

Пришлите, дорогая, а вдруг...

В общем, не знаю, не знаю!

Любимая моя, поздравляю с Новым годом!

Что можно пожелать дорогому человеку — здоровья, еще раз здоровья и опять здоровья!

Все остальное есть и будет!

Крепко Вас обнимаю.

И Михаил Эдишерович (Чиаурели. — Ю. Д.) очень нежно приветствует Вас и горячо поздравляет с Новым годом!

Ваша Верико Анджапаридзе.

P. S. Какое пуганое письмо, а хотелось написать совсем другое.

В.

26. XII. 67 г.

***

...Я часто задаю себе вопрос, за что Вы меня любите? То, как Вы говорите со мной, не только любовь, но друж-

ба, верность, нежность, чуткость — в общем, все, что редко выпадает человеку. Очевидно тут и ответное чувство — у Вас же нервная система состоит из тончайших волокон, которые вибрируют на все, что для большинства проходит мимо. И я могу сознаться, что для Вас у меня набор эпитетов высочайшей значимости. Я-то знаю, что Вы дороги мне — ЗА СОВЕРШЕННУЮ НЕПОВТОРИМОСТЬ. Ни одной черточкой ни в искусстве, ни в жизни Вы никого не напоминаете. Я же — часто мне говорят: «Вы напомнили (не удивляйтесь именам, это не я, это мне говорят!) Дузе, или Комиссаржевскую, или Анну Маньяни». Всегда какие-то сравнения — а Вы говорите!!!

... Часто, часто думаю о Вас, о Вашем одиночестве. А я окружена близкими, но тоже одинока. Бывает и так.

Жду писем и крепко-крепко обнимаю,

Ваша Верико.

Из письма поэта ДАВИДА САМОЙЛОВА —
Ф. РАНЕВСКОЙ

...Я давно люблю Вас, как замечательнейшую актрису нашего времени. Кроме того, Ваш образ связан у меня с Анной Андреевной (Ахматовой. — Ю. Д.), которая часто и любовно говорила о Вас.

Если разрешите, в следующий приезд в Москву (в сентябре) я позвоню Вам и буду счастлив увидеть Вас и почитать Вам стихи.

Будьте здоровы.

Ваш Д. Самойлов.
9.V.82 г.

Ф. РАНЕВСКАЯ — Е. БУЛГАКОВОЙ

Спасибо, дорогая моя Елена Сергеевна, за письмо. Мне понятно Ваше предотъездное трепыхание, пейте валерьянку и напевайте «три богини спорить стали...». Это проверено, очень помогает. Подумайте только спокойно: «Впереди Париж!» Умница, что поездом.

Дорогая, я получила сегодня письмо из Парижа от одной чудесной старой дамы — подруги моей сестры — русской, замужем за французом-профессором. Белла обожала эту свою подругу. Представьте, живя 50 лет в Париже, эта Мария Васильевна не научилась говорить по-французски! Имея в мужьях француза! Прелесть!

Если у Вас будет свободная минута, не откажите попросить Вашу родственницу посмотреть в телефонной книге профессора Pier De, Vambez.

Вот обрадуете, если скажете, что были дружны с Беллой.

А профессор покажет Вам всякие прелести.

Будьте благополучны.

Господь с Вами.

Обнимаю.

Фаина.

Из писем В. ХОДАСЕВИЧ — Ф. РАНЕВСКОЙ

Дорогая моя, любимая, хорошая, уважаемая Фанночка Георгиевна!

Понимаю, чувствую и сочувствую Вашему горю, родная! (Речь идет о смерти Павлы Леонтьевны Вульф. — Ю. Д.) Я сама испытала этот ужас беспомощности и бессилия, когда смерть отбирает у тебя самое дорогое и любимое.

Как хотелось бы, чтобы все, кто Вас любит, помогли бы Вам пережить случившееся.

Я была несколько дней в городе (я живу у Кр-их под Звенигородом), никого не видела и узнала обо всем случайно, развернув старую газету. Не посмела Вам звонить и тем более появиться у Вас, т. к. не считала, что достаточно Вам близка для этого.

Вот поэтому пишу Вам, вернувшись в Звенигород. На природе все как-то легче и проще, и лучше понимаешь вечный круговорот жизни и смерти, и спокойнее как-то на это смотришь...

Вспоминаю Павлу Леонтьевну. Вспоминаю лето в Жуковке, и Ваш «гаражный» особнячок, и Ваши заботы, и любовь к Павле Леонтьевне. Это было очень красиво!

Все понимаю, но хочу, чтобы скорее Вам стало легче и спокойнее на душе, дорогая!

Я Вас крепко обнимаю и жму Ваши прекрасные руки от всего сердца.

Валентина Ходасевич.
5.VII.61 г.

***

..Весь этот «бомонд» меня возмущает до крайности. А у Вас нет машины и дачи, и Вы слоняетесь по жизни кое-как. Это же безобразия! Караул!

Целую Вас, родная, нежно и преданно. Поразмыслилась и даже больше писать не могу от злобы! Скоро напишу приличное письмо. Приветы и поцелуи.

Вас любящая Валентина Х.
5.VII.59 г.

Народная артистка Е. КУЗЬМИНА — Ф. РАНЕВСКОЙ

Дорогая, дорогая, дорогая...

Пишет Вам дикая собака Динго, бывшая нар. арт. респ.
Е. Кузьмина.

Сию в кустах, вою на луну и опеаю такого же одичавшего Ромма.

Газет на даче нет. Радио включать забываем. Даже между собой стали разговаривать рыканием.

Между нами болтается совершенно глухая моя тетя Шура, которой мы зрем так, что начинает кружиться голова. И от этого мы ее кусаем за ляжки.

Хорошо! Иногда приятно чувствовать себя зверем. Вдруг просыпаются забытые честность и искренность.

Все боятся, не знаю, чего больше: искренности или одичания, но никто к нам не приходит.

А когда с нами в компании наш лохматый, злобный и уж совсем правдивый Митька, то нас пугаются даже грибы.

Это я все пишу к тому, что мы понятия не имели о Вашей знаменательной дате. Газет на даче нет. Радио включать забываем. Это тоже успокаивает...

Дорогая Фаиночка, мы Вас очень любим. А ведь так мало осталось к старости людей, о которых даже мысли доставляют удовольствие. В тот тихий вечер мы включили телевизор (кстати, он тоже одичал и непотребно рычит) и наткнулись на уже идущую «Мечту». С удовольствием смотрели.

Ничего не зная и не понимая, по какому случаю вспомнили эту картину, Ромм весь вечер рассказывал о Вас одной смелой даме, все-таки прорвавшейся в нашу берлогу, все оставшееся до сна время.

Если б Вы слышали, как он о Вас говорил!.. Я, конечно, вставляла ядовитые замечания. Но, как это ни странно, они украсили рассказ о Вас.

Фаиночка, если б Вы знали, как мы Вас любим. Вам бы было еще теплее на свете. К сожалению, мы так же невнимательны, как все «Динги» на свете.

Зато наш министр Романов абсолютно внимателен и посылает нам каждый праздник телеграммы с золотым обрезом. Но от этого он нас любит не больше.

Так что, не всякое внимание доказывает что-то хорошее, и я надеюсь, что Вы нас простите за наше молчание.

Все о Вас узнали от Нины Станиславовны (Сухоцкой. — Ю. Д.) и ужасно огорчились. Ведь надо же иметь такое впечатление, чтоб в центре учреждения, где людей склеивают, — разбиться на куски!..

Это только Вы можете. От этого Вашего «все не по-человечески» — мы Вас любим еще больше.

Я надеюсь, что Вы нас простите...

Желаю Вам склеиться обратно и еще долго радовать своими успехами.

Горячо Вас целую.

Леля.

Из письма актрисы Я. ЖЕРОМСКОЙ — Ф. РАНЕВСКОЙ

...В дни своей юности я видела в старом Петербурге французских актрис (тогда мне было 16—17 лет, и я их хорошо помню) Сюзанну Меинт и Генриетту Роджерс — дивные кружевные актрисы!

Но вы — лучше всех! Лучше всех па. В моей душе Вы и М. Г. Савина — рядом. Это — сама жизнь. Дай Вам Бог здоровья и крепости духа.

Н. Жеромская.

Письма журналистки Т. ТЭСС — Ф. РАНЕВСКОЙ

Фаиночка, дорогая моя, родной мой человек!

Я знаю, что Вы сердитесь на меня, и Вы правы, но, как часто бывает, не зная всех обстоятельств жизни человека, нельзя судить о его поступках. Неужели Вы хоть на минуту подумали, что я не помню Вас, не тревожусь за Вас, не горжусь Вашим успехом, не радуюсь безмерно тому, что странная миссис Сэвидж стала зримой, живой, подаренная Вами людям? Что делать — все, рожденное талантом, забирает у человека его силы, нервы, сердце: странная миссис Сэвидж дорого стоила ее создательнице, и вот Вы в больнице. Я хотела приехать к Вам с Натэллой (Лордкипанидзе. — Ю. Д.), но она сказала мне, что к Вам сейчас никого не пускают, и только у Ниночки (Сухоцкой. — Ю. Д.) постоянный пропуск, и она может у Вас бывать. Я звонила Ниночке, но ее не было, а сейчас я на даче, где до ближайшего телефона пятьдесят километров.

По количеству нагрузки — литературной, человеческой, бытовой и всяческой другой, какая только бывает на свете, — жизнь моя сейчас добралась почти до высот рекордных. Я одна, без всякой obsługi, без всякой помощи, с двумя домами — в Москве и на даче, — с собакой, которую надо кормить, и с ремонтом в доме, когда отряд здоровых парней в вымазанных цементом сапогах долбит отбойным молотком стены, вынимая трубы, а заодно отбивая всю плитку, разбивая умывальник и унитаз и круша все, что попадается им по пути. Называется это мамаево нашествие проводкой горячей воды или подсоединением к теплоцентрали.

Не знаю, когда это кончится, не знаю, когда будет горячая вода, но знаю точно, что скоро не будет холодной

и выключат водопровод, а в уборную надо будет ходить на Пушкинскую площадь.

Все это совпало с концом работы над книжкой и с поездкой в Англию. И я зашилась. Единственное спасение — уезжать на дачу. Здесь хоть и много дел, но есть возможность сидеть и писать, иначе я просто ничего не успела бы сделать. В Москву попадаю на короткий срок, верчусь, как белка, между издательством, редакцией и Центральным рынком, чтобы запастись пищей для всего семейства, и еду назад. Вешу уже 64 килограмма вместо 72-х. Все это я пишу Вам, чтобы Вы просто представили себе на минутку эту картину из жизни еврея-нахала, как говорил наш дорогой Бабель.

Вот и сейчас пишу Вам на даче, поздний вечер, горит печка, в которую я время от времени подкладываю уголь и шурую своими рабочими закопченными руками кочегара, а за окном тихая, свежая, как антоновское яблоко, подмосковная ночь со всеми ее влажными золотыми запахами, шелестами, шушанием и просторным гулким небом.

Такая ночь и у Вас, там, где Вы сейчас. Как-то Вы там, дорогой мой дружок? Когда я Вас увижу? Каждый день я думаю о Вас и мучаюсь, понимая, что, если на нашу обшю с Борей Ефимовым телеграмму Вы ответили только ему, то, значит, на меня Вы начихали. Ваше письмо, адресованное ему, я держала в своих руках, когда оно лежало на столе в редакции, и каково мне было, можете представить. А ведь еще недавно мне писали не только Вы, но и наш дорогой Кафинькин со станции Малые Х. Вот как я наказана. И, как обычно бывает, чувствуя себя виноватой, я уж не знала, как выпутаться, что сделать, как улучшить свое безнадежно пошатнувшееся положение в Ваших глазах.

Ужаснее всего это чувствовать потому, что где-то в глубине души я твердо знаю, что я в главном не виновата, ибо люблю Вас, как и всегда, всем сердцем, и нет, наверное, дня, когда я не думала бы о Вас.

Крепко Вас обнимаю и целую, любимый мой друг, дорогая великая актриса.

Всегда Ваша

Т. Тэсс.

19.IX. 66 г.

***

Моя дорогая, любимая актриса — «актрисуля», как писал Антон Павлович своей Книппер, — спасибо Вам за доброе письмо и за немисливо смешное сочинение неизвестного завистника. К сожалению, в нынешнем составе малеевских жителей сейчас очень мало людей, кому я могу это прочесть: почти все сами пишут «Куда, куда летите, гуси?..» и ничего смешного в этом не видят. Один местный поэт, к примеру, написал в свое время стихи, которые начинались так: «Я в Москве родился, родила меня мать...» Р. в пародии вполне логично добавил: «Тетке некогда было в ту пору рожать». Но в общем это звучит на том же уровне, как «куда, куда летите, гуси».

Вы ничего не написали мне о своем здоровье, и я не знаю, как Вы. Не знаю я и когда начнутся гастроли в Ленинграде. Я вернусь, очевидно, 26. IX. и буду сейчас же вам звонить. Погода изменилась, дело клонится к зиме, днем шел снег, ветер злой, как собака. Бегала в Старую Рузу за 6 км, чтоб купить меда, — не сплю никак — говорят, надо есть мед перед сном и будешь спать как дитя.

Съем полбанки, могу позволить себе как художник слова, — будь что будет.

Поэт Сергей Островой на прогулке сказал:

— Написал сегодня стихи о любви. Во стихи! Тема закрыта — все!

И лег спокойно спать. И во сне видел: не было до него ни Маяковского, ни Пастернака, ни Ахматовой — не было и не будет после. Тема закрыта, все!

Легко, наверное, таким людям жить на свете.

Читаю здесь «Белую гвардию» — пронзающая душу, жестокая и нежная повесть. Какой удивительный писатель, какой умный, беспощадный и добрый человек! За таким можно на край света пойти, не то что в Сивцев Вражек. Елена Сергеевна (Булгакова. — Ю. Д.) для меня сейчас видится совсем по-другому, словно легла на нее тень и свет Беатриче. Будем живы-здоровы, поведите меня к ней, когда вернусь в Москву.

Я знаю, что статья о книге должна идти в разделе «Клуб книголюбов», — для меня это не новость. Но дело в том, что разговор об этом был 4 месяца назад. Я — профессионал и знаю, какие статьи и рецензии не печатают и не вспоминают о них в течении 4-х месяцев — те, к которым полностью равнодушны. В моей личной практике не было такого случая, когда заказанную мне в «Неделе» или «Известиях» статью я сдавала бы через четыре месяца. Для меня это выглядит неуважением и к себе, и к другим. Но, в общем, бог им судья — «Бальзак не обратил бы на это внимания», — как говорил Олеша. Но я вспоминаю и другого писателя — Юрия Казакова. Он очень честно сказал, что его может огорчить или задеть отрицательная критика, но что по-настоящему больно — это, когда о книге, которую ты написал и которая тебе дорога, — нет нигде ни строки. До сих пор я была к этому равнодушна, хоть вышло у меня немало книг, но, наконец, добралось жало боли и до моей души.

Какой закат сейчас — синий, таинственный, рериховский. Буря сломала огромную ель, и она лежит, раскинувшись, как павший в бою гренадер. Пришел Орлов, зовет гулять.

Целую Вас нежно, великая моя современница.

Ваша Т. Тэсс.

Малеевка. 19.IV.67 г.

***

Дорогая моя Дама с камнями, спасибо за весточку!

Она пришла ко мне, когда я еще лежала с воспалением легких — слабая, несчастная, жаждущая утешенья и доброго слова.

Надо сказать, устроилась я ловко: все отхватила — и пневмонию, и кучу антибиотиков, и уколы пенициллина (сами знаете куда), и авитаминоз, словом, полную выкладку, большой джентльменский набор. Сейчас уже хожу, но крепко держусь за Юру, ибо шатает меня, как в шторм на корабле.

А за окнами действительно шторм, пурга — стекла дрожат от ветра, и море внизу все в грозной пене и ударяет о берег с силой и грохотом. И все равно море всегда прекрасно — даже зимнее, свинцовое, грохочущее.

Часто ли Вы играете, идет ли снова «Дальше — тишина» или только Островский? Перед отъездом из Москвы встретила в парикмахерской Т. И. Пельтцер. И она хвалила Вашу Филицату так восторженно и бурно, что парикмахерша стала привязывать ее полотенцем к креслу, чтобы удерживать на месте и продолжить стрижку. Прелесть она — Татьяна Ивановна, как искренне радуется Вашему таланту.

Обнимаю Вас, Фаиночка.

Юра целует Вашу руку.

Т. Тэсс.

9.II.81 г.

Из письма художника М. ЧАЙКИНА — Ф. РАНЕВСКОЙ

Дорогая, досточтимая, великодушная Фаина Георгиевна!

...Ваши слова о Пушкине поразили меня своей простотой, искренностью и правдой, и мне подумалось: вот там, в Москве, в доме Раневской Ф. Г. — это не пустой звук, и решил послать Вам маленькие крошечки с большого пушкинского праздника в Михайловском.

Возможно, в Михайловском были и Вы. Могло случиться, что в силу всяких неудобств и Вашей артистической занятости не удалось побывать. Так побывайте там, поклонитесь этой псковской земле, навечно принявшей останки Пушкина. Нет — там Пушкин живет вечно, там бьется его сердце — «тук, тук, тук!» И так будет, доколь в подлунном мире жив будет хоть один Человек!

...Вы получите там причастие Пушкинской благодати и наполните свое сердце нежной любовью Александра Сергеевича, туда надо поехать, пока жив чародей и кудесник, добрый домовый обители поэта, Семен Степанович Гейченко, это второй Никита Козлов — добрый дядька и нянька Пушкина. Не будь там Гейченко с его трепетной любовью к поэту, вряд ли был заповедник таким, какой он есть теперь.

Соберитесь туда непременно, но приезжайте в Михайловское в августе (с 21 авг. — дни ссылки поэта в деревню). Сколько бы Вы ни читали о заповеднике — это надо только увидеть — и Вы переживете удивительные минуты божественного видения Михайловских роц! И, придя на берег озера Маленца, тихонько позовите: «Александр Сергеевич!..» И он обязательно ответит Вам: «Ау, сейчас иду!..»

В первопрестольной я давно (около 10 лет) не был — ушли из жизни мои дорогие друзья Арендты. Не слышать о них Вы не могли уж только потому, что нежно любите

ПИСЬМА

Пушкина. А прадед Андрея Андреевича Арендта — Николай Федорович Арендт был лейб-медиком Государя Императора Николая I, и он же лечил умирающего Пушкина в страшные февральские дни 1837 года.

В этой семье долгие годы хранилась шкатулка-ларец, стоявшая все дни в изголовье Пушкина в последней квартире на Мойке, 12. Теперь она в пушкинском московском музее, хотя место ей на Мойке. Но это была воля Андрея Андреевича, он ее сам лично подарил музею.

Фаина Георгиевна, я к тому, что светлое имя Пушкина, его гений объединяют нас, и слава Богу.

Мой самый низкий-пренизкий поклон Вам за доброе сердце Ваше, за щедрость таланта Вашего, за Ваше великое сострадание к людям — это, как мне думается, кредо Вашего божественного и вдохновенного творчества, это святая святых из заповедей всей Вашей жизни. И пусть так будет вечно!

Целую Ваши добрые-добрые руки, покорнейший слуга Ваш, смиренный послушник Пушкинского Святогорья

Михайла Чайкин.

Записка Народного артиста СССР

А. ПАПАНОВА — Ф. РАНЕВСКОЙ

Дорогая Фаина Георгиевна!

Огромное спасибо Вам за поздравление по поводу моего 60-летия. Я бесконечно рад был, получив его. Я знаю, Вы не очень любите, когда говорят Вам, что подобной артистки (вот видите, волнуюсь...) нет.

Вы для меня — школа, академия, ИДЕАЛ.

Низко кланяюсь.

А. Папанов.

Народный артист СССР Р. ПЛЯТТ — Ф. РАНЕВСКОЙ

Милая, дорогая Фаина Георгиевна!

Я вначале думал написать Вам что-нибудь «остроумное», скомбинировав это из текстов нашей пьесы («Дальше — тишина». — Ю. Д.), но как-то не «сострилось»...

Я просто крепко Вас целую и желаю Вам (и себе, и всем), чтобы Вы поскорее стали здоровы! Пусть все хворости останутся в старом (69) году, а в Новом будет только здоровье и счастье от полноты жизни на сцене, где Вам только и надо быть!

Очень хочется поскорее ввести Вас под руку в ресторан м-ра Нортонa и чокнуться с Вами реквизиторской бурдой, которая в Вашем присутствии неизменно становилась для меня нектаром. Итак, за Ваше здоровье! Пью!

Мы с Нинкой теперь новоселы, со всеми теми последствиями, кои из этого вытекают... Увы — газ и теплая вода не вытекают. Начали эту муку с первых чисел декабря и продолжаем, в надежде на светлое будущее. И все-таки мне нас не жалко!

Я многократно справлялся, можно ли Вас навестить, но отвечают — позднее... Когда Вам будет «до меня» — позвоните, если это у Вас под рукой, по нашему новому телефону, и я прискачу. А если Вам звонить будет трудно, то я сам разведу обстановку.

С Новым годом!

С новым здоровьем!

С новым счастьем!

Старикашка Купер.
28.XII.69 г.

ПИСЬМА

Шуточные стихи, написанные Р. ПЛЯТТОМ вечером,
14 апреля 1976 года в честь награждения
Ф. Г. РАНЕВСКОЙ орденом Ленина:

Зрителям

Я вам признаться не боюсь:
Когда женился я на Люси,
Меня лишь чувства волновали –
Приданого за ней не дали...
С тех пор прошло уже полвека.
И нет счастливей человека,
Чем я сегодня: мне дана
Орденосная жена!

Купер-Плятт.

Телеграмма Р. ПЛЯТТА

В день Вашей знаменитой даты примите поцелуй от
Плятта.

Надпись на буклете:

Вы, великая актриса, подарили мне в этом буклете ласковые слова. Позвольте мне погордиться этим сколько смогу!

Ваш давний почитатель

Р. Плятт.
14.XII.78 г.

Народная артистка СССР Л. ОРЛОВА — Ф. РАНЕВСКОЙ

Дорогая Фаина Георгиевна!

Дорогой мой Фей!

Очень прошу Вас набраться сил, желания, энергии, самовнушения во что бы то ни стало — выздороветь поскорее!

Во-первых, я Вас не видела в «Тихине», во-вторых, очень интересная получается у Вас роль у Гр. Вас. (Александрова Г. В. — Ю. Д.) в фильме, а самое главное, я могу Вас иногда долго не видеть, но совсем не могу, когда Вы больны!

Вспоминаю нашу встречу у Вас в доме (не забыть бы мне спросить, почему-то Вы смеялись по-хорошему надо мной). Как это было симпатично и вкусно!

Я очень Вас люблю!

Когда Вы сможете — приду.

Гр. Вас. шлет Вам самые сердечные приветы, а я обнимаю, целую.

Всегда Ваша
Люба Орлова.

***

Дорогая моя Фаина Георгиевна!

Любимый Фей!

Спасибо за письмо. Оно было радостью в ссылке. Ненавижу гастролы!

К моему сожалению, не увижу Вас, но к моей радости — уезжаю домой.

Хочу пожелать Вам мужества, терпения, покоя в трудных условиях гастролей.

Ну, что же делать? Утешайтесь зрителями, которые горячо Вас любят и ждут! Утешайтесь тем, что сможете все проверить на этих спектаклях, обыграть роль для Москвы.

ПИСЬМА

Пусть все спектакли будут для Вас генеральными репетициями.

Не бередите себя, а берегите свои силы, здоровье и нервы! Все мои советы исходят из самой глубины моей души и любви к Вам!

У меня первый спектакль был ужасный, но потом стало лучше. Но все равно было очень трудно здесь играть — не та сцена, не тот свет и т. д. и т. п.

Любимый мой Фей! Обнимаю Вас. Целую. Желаю Вам огромного успеха, который у Вас непременно будет!

Счастлива, что у Вас хорошая роль и что Вы в ней великолепны. Предвкушаю удовольствие прийти в Москве на спектакль.

Всегда Ваша
Люба Орлова.
Свердловск. 8.VI.66 г.

P. S. Простите за ужасную бумагу — лучшей приобрести не удалось.

***

Моя дорогая Фаина Георгиевна!

Мой дорогой Фей!

Какую радость мне доставила Ваша телеграмма. Сколько нежных, ласковых слов: спасибо, спасибо Вам!

Я заплакала (это бывает со мной очень-очень редко). Ко мне пришел мой лечащий врач, спросил: «Что с вами?» Я ему прочла Вашу телеграмму и испытала гордость от подписи РАНЕВСКАЯ, и что мы дружим 40 лет, и что Вы — моя Фея. Доктор смотрел Вас в «Тихине» и до сих пор не может Вас забыть. Спросил, какую Вы готовите новую роль? И мне было так стыдно и больно ответить, что нет у Вас никакой новой роли. «Как же так? — он говорит. —

Такая актриса, такая актриса! Вот Вы говорите, и у Вас нет новой роли. Как же это так?»

Я подумала – нашему руководству неважно, будем мы играть или нет новые роли.

...Я промолчала, а когда он ушел, долго думала – как подло и возмутительно сложилась наша творческая жизнь в театре. Ведь Вы и я выпрашивали те роли, которые кормят театр. Ваша «Тишина», Ваша Сэвидж, которую Вы мне подарили. Лиззи Мак-Кейн протолкнула Ирина Сергеевна (Вульф. – Ю. Д.), Нору – Оленин, репетировали как внеплановый спектакль. Приказ на «Лжеца» («Милый лжец». – Ю. Д.) я вырвала почти силой от Завадского с помощью Никонова.

Мы неправильно себя вели. Нам надо было орать, скандалить, жаловаться в министерство. Разоблачить гения с бантиком и с желтым шнурочком...

Но... у нас не те характеры. Достоинство не позволяет.

Я поправляюсь, но играть особого желания нет. Я нежно Вас целую, обнимаю, очень люблю.

Всегда Ваша
Люба Орлова.
6.1.74г.

(Незадолго до смерти. – Ю. Д.)

Из записок критика В. ЛАКШИНА — Ф. РАНЕВСКОЙ

Дорогая Фаина Георгиевна!

...Кислая зима, мокрый снег заставляют и меня киснуть и увядать – вот причина, что я никак не соберусь навесить Вас. А ведь часто о Вас думаю, восхищаюсь издали Вашим талантом, умом и нравом.

Любящий Вас В. Лакшин.
XII.81 г.

***

Дорогая Фаина Георгиевна!

Жизнь есть сон. Давно живу как во сне: стремлюсь к усидчивости и покою – и беспрерывно разъезжаю (на днях вернулся из Грузии); хочу видеть одних людей – вижу почему-то других; даже книги читаю по необходимости, не те, какие хотел бы.

Но мой сон включает в себя и одно безусловно радостное видение – Ваше присутствие на Земле. Оттого разрешите поздравить Вас с Новым годом и подтвердить мою любовь и душевную преданность Вам.

В. Лакшин.

Из письма Я. ШИЛОВА — Г. ЦЯВЛОВСКОЙ

Телевизора у нас пока, слава Богу, нет, но иногда заезжаем к друзьям, чтобы посмотреть самое лучшее из программы. И вот – прямо расширившая душу счастьем, восторгом горячим, свободой – как может наполнить тебя свободой только великий талант – это встреча с искусством Фаины Георгиевны Раневской!! Хотя мы и не выспались (передача была очень поздней) и бог весть из какой дали – домой, но до сих пор вспоминаем каждый штрих в ее игре, лепке образа – сочной, крепкой, колоритной и естественной...

Сейчас о ней много стали (сравнительно много) писать, а один из писавших поразил меня наивностью своего тупого удивления высокой образованностью Раневской (!). Он, видите ли, не то много книг у нее в доме увидел, либо еще что-то, не помню. Да недостаточно было разве в таком великолепном образе, как хотя бы мешочница из Билль-Белоцерковского, почувствовать, как она

извлекает из одного типа, одного характера – при единой вроде бы музыкальной тональности, окраске роли – столько внутренних тем и подголосков, соединяя их таким убедительно-сложным контрапунктом, от которого отшатнуться хочется – настолько образ достоверен!

Да недостаточно ли было почувствовать, как она обращается с тем душевным материалом, из которого создает образ, с добротностью, вкусом, строгостью во взвешивании пропорций – как это было присуще манере работы Шардена, а уж в самом образе – если старых мастеров вспоминать – и сила, и свет, и правда, присущие лепке Ф. Хальса!

Как жаль, что так бегло, скупо, поздно – да и то с позиций вчерашних неандертальцев – славословят в адрес такой большой актрисы!

А она такова потому, что в ней, в ее искусстве – больше всего Человека (не себя – как у других, а себя – незаметно, не полностью, до растворения себя в Человеке и человеческом...).

Вот искусство, про которое можно было бы сказать: «Человеческое, слишком человеческое...»

Но ведь не больше того, как если бы пожаловаться, что жизнь – слишком жизненна (и даже когда она тебя по несчастью перестает интересоваться – она берет верх, не спрашивая тебя, согласен ли ты на это...).

Вот так же непререкаем и – НАВСЕГДА – мир Раневской, кто бы и что ни говорил, кто бы как ни молчал...

16.IX.76 г.

Фаина Георгиевна
РАНЕВСКАЯ

Дневник на клочках

Подготовка текста,
вступительная статья и публикация
Юрия Данилина

Макет и верстка
Л. Н. Киселевой, В. Г. Лошкаревой
Корректор Т. В. Уварова

Лицензия ИД № 01691 от 28.04.2000.

Подписано в печать 20.02.2002. Формат 70×100/32.
Гарнитура NewBaskerville, FranklinGothic.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,19.
Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 2848.

ООО «Ретро».
Санкт-Петербург, ул. Корнеева, 6.

Отпечатано с фотоформ в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Издательство **Фонда русской поэзии**

Главный редактор и издатель

Николай Якимчук

Редакция:

Наталья Гонохова

Анджела Левкина

ИЗДАТЕЛИ БЛАГОДАРЯТ:

Александра Хочинского, Валентина Гафта, Юрия Шевчука, Светлану Крючкову, Виктора Шендеровича, Сергея Юрского, Александра Розенбаума, Бориса и Нину Блотнер, Ирину Соловей, Бориса Горелика, Галину Самохвалову, Людмилу Пасхину, Людмилу Левину, Дмитрия Защеринского, Евгения Стрижевского, Ирину Мартынову, Павла Воробьева, Сергея Королькова, Андрея Зонина
за многовариантное содействие;

художников, передавших свои произведения
в фонд альманаха «Петрополь»:

Эрнста Неизвестного, Юрия Брусовани, Глеба Богомолова, Нугзара Кахиани, Нодара Аргвлиани, Владимира Жигулина, Елену Зайцеву, Петра Охту, Ирину Власову, Сергея Алипова, Анатолия Колесникова, Валерия Иванова-Военушкина, Александра Буровцова, Светлану Иванову, Елену Казарину, Бориса Энгельгардта, Владимира Стригалева, Виктора Тихомирова, Владимира Тихомирова, Вадима Воинова, Татьяну Еникееву, Владимира Духовлинова, Бориса Александрова, Валерию Самойлову, Елену Грицман, Беллу Гадати, Анатолия Клеймица, Надежду Шевцову, Павла Дольского, Елену Чупрову.

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Петербуржскому Дому книги,

Институту Культурных Программ,

Петербуржскому союзу литераторов,

Гуманитарному фонду «Свободная культура».

ИЗДАТЕЛЬСТВО ФОНДА РУССКОЙ ПОЭЗИИ
предлагает читателю:

«Петрополь», вып. 4, 1993 г. А. Володин, Д. Самойлов (пьеса), Виктор Ерофеев, В. Соснора, Т. Толстая, И. Бродский (переводы), В. Попов, Саша Соколов и др.

«Петрополь», вып. 7, 1997 г. А. Володин, Я. Гордин, М. Козаков (воспоминания), Л. Лосев (эссе), В. Уфлянд, И. Бродский, А. Городницкий, Е. Рейн, Б. Гребенщиков, А. Дольский и др.

«Петрополь», вып. 8, 1998 г. И. Бродский, Виктор Ерофеев, В. Гафт, С. Юрский, Ю. Шевчук, С. Довлатов, С. Н. Лазарев, Б. Слуцкий, Е. Гуро, В. Кривулин, А. Дольский, Венедикт Ерофеев и др.

Битов Андрей. *«Дачная местность. Дубль».*

Бобышев Дмитрий. *«Полнота всего».* Избранное известного поэта, входящего в ленинградское литературное содружество 60-х: И. Бродский, Е. Рейн, А. Найман.

Виньковецкая Диана. *«По ту сторону воспитания».* Новая книга известной писательницы. Предисловие С. Довлатова.

Володин Александр. *«Монологи».* Книга стихов известного драматурга.

Гальперин Юрий. *«Играем блюз».* Повесть российского писателя, ныне живущего в Берне.

Гинзберг Аллен. *«Каддиш».* На английском и русском языках. Перевод и рисунок В. Сосноры.

Гонохова Наталья. *«В поисках Святой Земли»* (Путешествие в Иерусалим). Иллюстрированное миниатюрное издание.

Гонохова Наталья. *«Венецианская рапсодия».* Иллюстрированное миниатюрное издание.

Городницкий Александр. *«Имена вокзалов».* В новую книгу вошли стихи и песни, написанные автором в последние годы.

Гуро Елена. *«Жил на свете рыцарь бедный».* Лирическая повесть.

Дикинсон Эмили. *«Это письмо мое миру».* Стихи и письма классика американской литературы. Параллельные тексты на русском и английском языках.

Дольский Александр. *«Свет Небес».* Новая книга стихов известного барда.

Дольский Александр. *«Летейское вино».* Венки сонетов.

- Елисеева-Шрайнер Яна.** «Трилингва». Уникальный сборник стихов поэта, пишущего на русском, немецком, итальянском языках.
- Ермолаева Ольга.** «Анютины глазки». Новая книга стихов.
- Жабинковская Елена.** «Улитка-слеза». Книга лирических стихов современной петербургской поэтессы.
- Кузьминский Константин.** «Пулеметные лепты». Первая в России книга известного редактора-составителя антологии «У голубой лагуны».
- Кэйлис Лилия.** «Катастрофа, или гибель Атлантиды». Фантастический, эзотерический роман.
- Лайт Гари.** «Voirdire». Первая книга стихов поэта, живущего в Чикаго. Предисловие А. Дольского.
- Левит-Броун Борис.** «Вердикт». Книга эзотерических стихов-размышлений российского поэта, живущего в Вероне.
- Малина Ирина.** «Я вспоминаю (1906—1920)». Воспоминания о детстве и Гражданской войне дочери начальника штаба генерала Деникина.
- Мариенгоф Анатолий.** «Неизвестный Мариенгоф». Избранные стихотворения известного имажиниста. Многие стихи публикуются впервые.
- Марк Григорий.** «Оглядываясь вперед». Новая книга стихов.
- Межиров Александр.** «Апология цирка». Книга новых стихов.
- Неделяева Елена.** «Ночной обход». Книга стихов петербургской поэтессы и барда.
- Новикова Елена.** «Соло на вороне». Проза и стихи.
- Ринтала Пааво.** «Столь длительное путешествие в Верону». Пьеса классика финской литературы.
- Самарцев Александр.** «На произвол святынь». Книга стихов.
- Самойлов Давид.** «Возвращение». В избранное выдающегося поэта вошли стихи разных лет. Некоторые стихотворения публикуются впервые.
- Соколов Саша.** «В ожидании Нобеля». Сборник эссе и выступлений всемирно известного писателя.
- Соснора Виктор.** «Ремонт моря».
- Табидзе Галактион.** «Поэзия — прежде всего». Стихи классика грузинской литературы в переводе Б. Ахмадулиной.
- Устинова Ольга.** «Атлантида зелено-белая». Мистический роман. Адресован тем, кто интересуется эзотерическим пониманием мира.

Франк С. Л. «*Этюды о Пушкине*». Впервые книга выдающегося мыслителя была опубликована на Западе и выдержала там несколько изданий.

Черных Андрей. «*До-бемоль минор*». Повесть кинорежиссера (школа А. Сокурова) и прозаика.

Шапиро Борис. «*Соло на флейте*». Стихи поэта, живущего в Германии. Серия «Русский зарубежный авангард».

Шендерович Виктор. «*Куклиада*». История популярной телевизионной программы.

Шраер-Петров Давид. «*Питерский дож*». Стихотворения и поэма (1995—1998).

Чури Крэг. «*Параллельное течение*». Первая книга американского поэта, изданная в России. Параллельные тексты на русском и английском языках.

Энгельгардт Борис. «*Сверчок, или Провинциальный Калиостро*». Фантасмагорический роман известного петербургского художника.

Энкель Мартин. «*Кали*». Поэма известного финского поэта, пишущего по-шведски. Перевод В. Кривулина.

Юнгер Елена. «*Северные Руны*». Книга воспоминаний выдающейся актрисы. В книгу вошли стихи ее отца, акмеиста Владимира Юнгера.

Якимчук Николай. «*Как судили поэта*». Дело И. Бродского.

Якимчук Николай. «*Полу-Россия, Полу-Китай*». Книга верлибров петербургского поэта и прозаика.

Якимчук Николай. «*Мой Сталин*». Фарсы на исторические темы.

Якимчук Николай. «*Следы в воздухе (Царскосельские хокку)*».

Якимчук Николай. «*Инспектор осенних лесов*». Новая книга стихов.

**Заказы на книги присылайте по адресу:
Россия, 189620, Санкт-Петербург,
Пушкин-2, ул. Ломоносова, 30.**

Ф И Р М А
«РЕТРО»

п р е д л а г а е т

Эдвард Лир. Книги нонсенса

Перевод Ю. К. Сабанцева. 2001г. 432 с.

Э. Лир — один из самых известных поэтов Великобритании. Вместе с Л. Кэрролом создал британскую школу абсурдной поэзии. В книгу входят 230 лимериков Лира, впервые переведенные на русский язык «Нонсенс-истории», «Кулинарные рецепты» и геральдическая эмблематика, хотя и полухвостого, но весьма знаменитого кота Фосса.

Два сборника Дины Рубиной:

Последний кабан из лесов Понтеведра. Роман, повесть. 2000 г. 316 с.

Один интеллигент уселся на дороге.

Повести, рассказы. 2000 г. 412 с.

по всем вопросам приобретения книг
обращаться: ООО «Ретро»,
г. Санкт-Петербург, ул. Корнеева, д. 6,
тел.: (812) 567-5335, (812) 325-1938
г. Москва, тел.: (095) 177-8316

e-mail: petropol.spb@mailbox.alkor.ru

Ф И Р М А
«РЕТРО»
предлагает

Тихомиров Виктор. Золото на ветру.
1999 г. 400 с.

Книга В. Тихомирова «Золото на ветру», почти сплошь состоит из романтических и авантурных приключений. Однако главным ее достоинством является авторская интонация и язык.

**В. ШИНКАРЕВ
СОБСТВЕННО
ЛИТЕРАТУРА**

Шинкарев Владимир. Собственно литература. Проза, стихи, басни и песни. 2000 г. 448 с., илл. 16 с.

Эта книга — на данный момент полное собрание текстов известного художника и писателя В. Шинкарева. В книге представлены основные самиздатовские бестселлеры культового автора.

Распространение
на территории США и Канады:

Petropol, Inc.

1428 Beacon str.,
Brookline, MA 02446.

Tel.: (617)232-8820,
(800) 404-5396.

Fax: (617) 713-0418

Internet-магазин:

www.petropol.com

